

Акулы из стали. Последний поход (сборник)

Автор:

Эдуард Овечкин

Акулы из стали. Последний поход (сборник)

Эдуард Анатольевич Овечкин

Легенда русского Интернета

Четвертый по счету сборник невероятных житейских и военно-морских историй продолжает славную традицию «Акул из стали» – юмор, ирония, всепобеждающий оптимизм и неожиданно трезвый взгляд на сложные жизненные проблемы. Каждый читатель в этих рассказах найдет что-то свое. Мужчинам и женщинам, не имеющим отношения к воинской службе, эта книга будет не менее интересна, чем настоящим просоленным «морским волкам» и сухопутным пыльным «сапогам». Ведь автор продолжает рассказывать о самом интересном – о людях в различных непростых, но зачастую смешных ситуациях.

Осторожно! Ненормативная лексика!

Эдуард Овечкин

Акулы из стали

Последний поход

© Э. Овечкин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Осторожно! Ненормативная лексика!

Торт на блюде

Один вопрос остался не рассмотренным нами в плане дифференциации полов – и это вопрос отношения к употреблению алкоголя перорально, то есть путём приёма внутрь через рот. Перед тем как начать веселье, необходимо подчеркнуть, что алкоголь однозначно вреден для здоровья, но некоторые индивидуумы всё равно его употребляют, особенно на ранних стадиях развития своего организма. Так что стыдливо умалчивать эту тему можно, но это уж сильно будет смахивать на ханжество. Также следует понимать, что весь следующий абзац посвящён некоторым усреднённым типажам обоих полов (тут у нас полное равноправие) без упоминания крайних состояний отношения к алкоголю: безудержной любви и неотвратимому отвращению.

Женщине, чтобы выпить, нужно предварительно найти повод для этого. Весомый, а не какой-нибудь «день взятия Бастилии». Например, душевное расстройство вполне может подойти. Или, наоборот, радостное событие.

Какие предварительные действия предпринимает женщина, если по велению души или физиологической необходимости ей срочно нужно выпить порцию алкоголя?

Следующие:

– идёт в магазин и долго выбирает, бродя между полками с вином;

– кроме собственно вина (или пива, но какого-нибудь особенного), женщина покупает виноград, сыр, ветчину «прошутто» (граммов сто, по цене как за два килограмма вырезки), может, ещё оливки (или маслины), чипсы и соус;

- делает дома большую приборку;
- принимает ванну;
- долго ищет в Сети, что бы такого посмотреть;
- накрывает стол, всё выкладывает на тарелку красивыми сходящимися спиралями;
- зажигает свечи;
- цедит вино, задумчиво глядя в окно на клубы туч над покатыми крышами;
- вздыхает и ждёт расслабления.

Мужчине повод для того, чтобы выпить, не нужен. Мужчине вообще мало на что нужен повод, а уж тут-то и подавно.

Какие предварительные действия предпринимает мужчина, если ему захотелось выпить?

А вот такие:

- бежит в отдел «Акция» в магазине;
- хватает бутылку пива, откусывает пробку, пьёт;
- расслабляется и вздыхает;
- идёт искать, чем бы закусить.

На этом лирическое отступление предлагаю считать закрытым и перейти к основной части про то, как легко иногда удивить человека.

Решили мы как-то с Жариком устроить пенную вечеринку: попить пива, если попростому, по рабоче-крестьянскому. Жарик учился на перегрузчика, и до перевода в Питер мы общались с ним редко, только в режимах: «Эй, братуха, помоги братуху пьяного до казармы донести» или «Эй, брат, сигаретки не будет?». А в Питере нас всех перемешали, и оказались мы с ним в соседних каютах: как заходишь на второй этаж – прямо метров десять, потом налево метров сорок, через квадратное утолщение коридора ещё раз налево, и метров двадцать до того, как упрёшься в стенку лбом. Как раз справа от упора была моя каюта, а перед ней – Жарика. В таком тупиковом месте мы поселились специально, чтоб меньше любопытных глаз всяких дежурных до нас докатывалось: и не беда, что каюты были крошечные (моя-то ещё более-менее, а у Жарика вообще три на три метра для четверых тел), зато место уютное!

Жарик был длинным, как логарифм, равный гиперболическому косинусу, с ёжиком смолянисто-чёрных волос и ямочками на щеках, когда улыбался – а улыбался он очень часто, любил это дело и обладал недюжинным оптимизмом вдобавок. Вот всё ему нравилось: и учиться, и бегать в самоходы, и драться с хулиганами, и дежурить по камбузу, и общаться с друзьями – поэтому совсем не удивительно, что мы быстро с ним сдружились.

– Ты работаешь сегодня? – спросил Жарик у меня после обеда в пятницу.

– Неа.

– А чо делать собираешься вечером?

– А что?

– Ничто! Так что?

– Ну-у-у, не знаю... В город схожу, может.

– Что делать?

– Да просто погулять, по сторонам рот поразевать, а что?

- Да мне вот тоже делать нечего. В связи с этим есть предложение, в корне подкупающее своей новизной!

- Пиво?

- Нет! Много пива! Слышал я истории от людей знающих, что от пива похмелье хуже, чем от антифриза, но всё меня сомнения гложут по этому поводу - уж не врут ли народные сказители?

- Предлагаешь проверить?

- Настойчиво предлагаю!

- Не, ну а чего нет-то, если да? Давай не пьянства ради, а сугубо науки для - поставим такой эксперимент над своими молодыми жизнями!

- Тяни спичку! О, длинная - тебе идти за пивом, держи деньги!

- Погоди, Жарик, а если короткая была бы?

- Ну тоже тебе выпало бы! Ты ж, как лошара, повёлся, не уточнив условий предварительно! Всё, я убежал, мне ещё на кафедре надо там кое-что доделать!

На какой, в жопу, кафедре? У них же и кафедры своей не было в Дзержинке, ну вот что за человек, а? Ладно, делать нечего, собрался, взял сумку пластиковую в красно-синий рубчик и двинул за реактивами для эксперимента. Уложив в сумку ящик (для бравады хочется написать, что два, но вот помнится, что был один, максимум полтора), иду обратно через центральную проходную, стараясь громко не звенеть. Ну я пятый курс уже: выпуск вот-вот. Это в «Галоше» и с пятого курса могли вышвырнуть как за здорово живёшь, а тут, в тюрьме народов, пятый курс был практически неприкасаем - по какой причине, не знаю, да и не третьекурсника на вертушке же опасаться, правильно? Кто ж знал, что дежурному по училищу в рубке сидеться не будет в пятницу глубоко после обеда. Они же там спят все в это время обычно, а этот нет - смотрит на меня с таким, знаете, любопытством в глазах.

- А что у вас в сумке, товарищ курсант, разрешите полюбопытствовать?
- Вещи, - говорю, - всякие.
- Дзынь! - радостно подтверждают мои слова вещи.
- А можно установить с ними визуальный контакт?
- Конечно! - с громким стуком ставлю сумку на стол и открываю молнию.
- Вот это да! - и дежурный, сдвинув фуражку на затылок, потирает лоб. - Это же пиво!
- Что не противоречит слову «вещи», согласитесь.
- Это-то так, да. Но в корне противоречит вообще всем воинским уставам и приказам вышестоящих начальников!
- Ой, а вы подумали, что я его тут пить собираюсь?
- Ну нет, я подумал, что ты им клумбы поливать станешь!
- В магазине завоз просто. Свежего. А до увольнения ещё несколько часов, вот мы и решили взять загодя, а то расхватают же алкаши всякие! Но пить в училище не будем, вы что - нельзя же! Домой понесём и там всё вылакаем!
- Точно?
- Вот вам крест, товарищ капитан второго ранга!
- Животворящий?
- Самый что ни на есть!
- В глаза смотри. Точно в училище пить не будете?

- Точнее не бывает!

- Ну ладно – иди, только не звени, как Спас на Крови! Аккуратно неси!

- Конечно-конечно! Всенепременнейше!

Вечером надели с Жариком свои любимые треники, тельняшки (не снимали), сели в его каютке и приступили. Сидим, пьём, крышки в мусорку кидаем, на мокрые крыши серого цвета любуемся и за жизнь разговоры разговариваем. Причём ну вы же понимаете, что и жизни-то той мы ещё не то что не видели, а и не нюхали даже, но когда этот незначительный факт кого-то останавливал? Почти всё уже всосали, как дверь с треском распахивается, смачно хлопая по шкафу, о который она должна стопориться при аккуратном открывании. На пороге стоит наш командир роты (дежурным по училищу заступил) и сверкает в нас глазами из-под козырька фуражки.

- Товарищ старший лейтенант! – начинает брать быка за рога Жарик. – Ну аккуратнее надо с дверями-то! Вы же мне шкаф вон поцарапали и чуть не сломали!

- Пьёте, скоты? – пропуская мимо ушей замечания Жарика, вступает командир роты.

- Кто? – удивляется Жарик и убирает под стол бутылку пива, которую он только что допил. – Мы? Не-е-е-т, тащ старший лейтенант. Это не мы, это до нас кто-то выпил, а мы только пришли с дискотеки. Скажи, Эд?

- Угумс, – говорю я то, что ещё способен выговорить.

- То есть это вы не пьяные такие, а уставшие?

- Да-а-а, тащ! Так и есть!

- Дверь-то хоть бы на замок закрыли! Совсем страх потеряли!

– Ну и вы бы тогда замок вышибли, правильно? А так – не вышибли. Целый замочек-то! Вот она – смекалочка!

– Ну что с вами разговаривать сейчас, всё понятно. Так. Ещё раз. И оба в Приморье усвистите по распределению! Лично прослежу!

– Не-е-е, мы не хотим в Приморье, мы на Север хотим же. И отличники почти – имеем право выбирать. Правильно я говорю, Эд?

– Угумс!

– Я повторяю, как Совинформбюро, специально для коматозников! Ещё раз – и в Приморье! И лично за вами следить буду! Лично! Вот этими вот глазами! Скоты.

И уходит.

– А дверь! – кричит Жарик ему вслед. – Дверь закрыть!

– Скоты! – доносит эхо уже издалека.

– Не, ну чё скоты-то, ну? Скажи, Эд?

– Это он от обиды, что мы его не угостили!

– Думаешь?

– Уверен!

– Точно! Вот мы жлобы-то, да? Что там, осталось ещё? Пошли догоним – угостим.

Хорошо, что не догнали. А похмелье потом было, да. Не знаю, что там с антифризом, но очень жёсткое.

В следующую пятницу опять не задалось ни с погодой, ни с настроением: бреду с обеда и думаю, чем бы себя занять, как догоняет меня Жарик:

- Эд, что сегодня делаешь?

- Нет!

- Что нет?

- Меня только во вторник до конца отпустило с прошлой пятницы, поэтому - нет!

- Да я не про это! Ну что ты как маленький!

- Ну допустим. А про что тогда?

- Я вчера у бомжови одного купил сервиз чайный фарфоровый на двенадцать персон за две бутылки водки, представляешь?

- Нет, не представляю абсолютно, для каких тебе целей мог понадобиться фарфоровый сервиз на двенадцать персон?

- Он так прекрасен, что как только я его увидел, то все вопросы сразу отпали, кроме единственного: отчего у меня до сих пор такого не было?! Там олени, понимаешь, всякие, ну или лани, охотницы с луками. Лес. Вот.

- Ну я понял, да, что он прекрасен, но не понял, при чём то, что я сегодня делаю?

- А чего он стоит в коробке у меня и пыль на себя аккумулирует? Давай купим торт и сядем пить чай вечером!

- Какое неожиданное предложение! Я даже... растерялся. Спички тянуть не буду!

- Конечно не будешь, а то купишь там неизвестно что... Вместе пойдём!

Куда могли отправиться за тортом двое молодых парней, которым, может быть, первый раз в жизни пришлось в голову провести вечер, просто распивая чай? Ну конечно же в универмаг братьев Елисеевых.

Торт выбирали долго, спорили, ругались и чуть не похоронили там же нашу дружбу. От «Наполеона» Жарик отказался сразу же, мотивируя это тем, что торт имени агрессора он есть не станет. Ну ладно, не объяснять же в кондитерском отделе человеку, который учится на перегрузчика, тонкости геополитики начала девятнадцатого века и особенности характеров Наполеона и Александра Первого... Остальные торты были или слишком сухими, или слишком кремовыми, или чересчур обсыпанными арахисом. В итоге посмотрели уже именинные и дошли почти до свадебных, когда увидели классический «Киевский торт», изготовленный по оригинальной рецептуре 1956 года (согласно записи на ценнике, но знаете, как в Питере ценники пишут, да?).

- О, смотри и розочки кремовые! И розовые, и зелёные! А он без арахиса?

- Обижаете! - надулась продавщица. - Только фундук! Только оригинальные рецептуры!

- Ну да, ну да... Плавали - знаем. Ладно! Заверните нам один!

На сдачу прихватили пакетик развесного чая.

Долго готовились - намного дольше, чем к распитию пива. Убрались в каюте, застелили стол самой белой простынёй, которую нашли, красиво расставили сервиз, потом засмутились своего простецкого вида на фоне этого средневекового утончённого излишества с лучницами - решили переодеться, а заодно и побриться. Пока чайник потел боками, нагладили брюки и гюйсы, достали чистые тельняшки, оделись полностью в форму номер три, только без фуражек, пожалели, что курсантам прекратили выдавать палаши, и вот только этого штриха нам и не хватило для полного погружения в атмосферу. Расселись. Не знаю точно, применимо ли слово «расселись» к дуэту, но синонимом его не заменишь, не погрешив против истины. В середине - торт, а вокруг него - сервиз с чайником, блюдами и чашечками, а уже дальше, совсем на периферии перспективы - мы с Жариком, торжественные, как статуи Будды. Пьём чай, важно надувая щёки, и едим торт. Ложечками! Никого не трогаем. О высоком разговариваем и об искусстве, следим за опусканием покровов тьмы на крыши Адмиралтейства... Вдруг дверь в каюту с треском распаивается, ударяется о шкаф и ме-е-едленно начинает закрываться.

Из полутьмы коридора на нас смотрит командир в плаще и со следами дождя на плечах. Ну не совсем смотрит, а скорее изображает жертву горгоны Медузы. И дверь так медленно-медленно закрывает его от наших глаз.

- Не обращайтесь внимания, Эдуард! Это некоторые издержки воспитания в местном обществе. Так что вы там про экспозицию Малевича говорили?

- Так, блядь, - командир медленно ладонью открывает дверь, - что здесь происходит?

- А на что похоже? - спрашивает Жарик.

Командир заходит внутрь с некоторой опаской. Оглядывается. Заглядывает в шкаф, в тумбочки, под матрасы и под подушки, а также за батареи центрального отопления (они не топили, конечно, но так назывались).

- Где? - спрашивает.

- Что где?

- Бабы где?

- Какие бабы?

- С которыми вы чай с тортом пьёте!

- Так мы просто чай с тортом пьём. Но если вы баб хотите, то можем вам привести, конечно.

- Так... - Командир садится, снимает фуражку, аккуратно кладёт её на колено, расстёгивает плащ и ослабляет белое кашне. - То есть я сюда через весь город ехал абсолютно зря?

– Ну отчего же зря? Вот чая попейте из фарфорового сервиза с «Киевским тортом» по оригинальной рецептуре, без арахиса.

Наливаем ему чай, режем кусок торта и дальше сидим втроём – слушаем уже его рассказы про службу на Новой Земле, сушёную картошку, морковку и лук круглый год. И периодически отвечаем: нет, это мы не специально затеяли, чтобы его дураком выставить, а просто захотелось чая с тортом попить, и что такого, что прямо из фарфорового сервиза и на почти белой скатерти?

Сильно удивлялся, конечно, и до конца нам так и не поверил. Хотя если подумать, то что тут удивительного, в самом деле? Ну не все же порывы молодости направлены непременно на саморазрушение организма, верно? Случаются же и прекрасные порывы, как ни старайся их задавить. И без видимых причин в том числе – тяга к прекрасному.

Писатель-прозаик. Отчасти даже маринист

– Тащ капитан-лейтенант, вас к телефону! Срочно!

«Лиственница» хрипит, шипит и не проявляет никакого такта к моим сновидениям. Вахтенный этот тоже упырь – нет бы проявить уважение, спуститься, в дверцу ласково постучать. Срочно у него. Ладно, знаю, кто сегодня на отработках вахты в гидрокомбинезоне раздвижной упор ставить будет. Бреду.

– Эдуард! – Это наш командир. – Поднимись наверх. Я сейчас писателя Черкашина привезу. Хочет пофотографироваться на «Акуле».

Писатель Черкашин известен на флоте. Это такой как бы Пикуль, только для подростков. Нормального образования в военно-морском училище получить не смог, окончил какой-то там МГУ, служил замполитом (самая презируемая должность на подводных лодках), пишет книги о военно-морском флоте. В книгах много технических нонсенсов и оксюморонов, которые у моряков вызывают недоумённое поднятие фуражек бровями, но зато там есть много пафоса, прилагательных и деепричастных оборотов. А ещё есть проститутка на

подводной лодке, которую отстрелили через торпедный аппарат, и она превратилась в медузу. В общем, детям нравится.

Поднимаюсь. На улице как раз лето сегодня. Солнышко так и шпарит – на резине прямо яйца жарить можно (куриные, я имею в виду). Приезжают. Походили по корпусу, пофотографировались на фоне винтов/рубки/ракетной палубы – всё, в общем, по стандарту. Я деликатно удаляюсь, чтоб не мешать взрослым дяденькам разговаривать.

На рубке сидит комдив-раз Паша и курит, щурясь на солнце. Сажусь рядом – вниз идти неохота, пока лето.

– Чё носишься? – интересуется Паша.

– Да Черкашина с командиром фотографировал.

– Какого Черкашина?

– Николая, какого ещё.

– А Гоголя не было?

– Какого Гоголя?

– Николая, какого ещё?

– Не, не было.

Не спеша докуриваем.

– А в чём прикол-то был с Гоголем? – уточняю у Паши.

- Так он же умер, Гоголь-то.

- Ну?

- И Черкашин!

- Что Черкашин?

- Писатель, Николай Черкашин, он же умер уже!!! Давно уже!!! Ты чё?!!

Снизу деликатно кашляют. Делаем удивлённые лица (по привычке) и свешиваемся вниз. Прямо под нами стоит Черкашин с командиром и смотрят на нас. Черкашину явно неудобно, что он жив, командиру – весело.

- Жив он, Паша, - говорит командир, - я его пощупал - тёпленький.

Вниз Черкашин спускаться не стал почему-то, постеснялся, может того, что поставил Пашу в неудобное положение?

ДСП

Рассказ этот называется «ДСП» потому, что содержит некоторые секретные тайны, и если у вас нет допуска, то вам его лучше не читать. В крайнем случае забыть немедленно после прочтения и уничтожить устройство, на котором вы его читали. Тогда специально обученные люди не станут вас долго пытаться, а сразу убьют. А с вашей стороны это будет очень благородно: сэкономите иголки для страны и электроэнергию для подключения пыточных утюгов и паяльников. И не говорите потом, что я вас не предупредил!

В чём нельзя упрекнуть государство СССР, на мой взгляд, так это в остром желании защитить своих граждан от военной угрозы со стороны проклятого капитализма. Ни денег не жалели, ни людей, ни риска в прожектах, грандиозность которых тяжело оценить, не увидев воочию хотя бы один из них.

Как, например, схрон для подводных лодок в городе Гаджиево.

– Чо, пошли в тоннель-то сходим?

– А что там станем делать?

Идти было лень.

На дворе сверкал ярким солнцем июнь, и вяло тёл очередной парко-хозяйственный день. Парко-хозяйственный день, если вы не в курсе, это такой вид почти что боевой подготовки, когда люди с высшим и средне-специальным образованием в субботу, вместо того, чтоб вяло разлагаться в кругу семьи, убирают мусор на закреплённой за ними территории. Очень повышает боеготовность и престиж службы.

Нам с секретчиком Михалычем, как старым (Михалыч) и опытным (я) бойцам, был доверен для уборки объект «Дивизионная свалка». Но мы, как старые и опытные бойцы, считали намного ниже своего достоинства даже имитировать какую-либо деятельность и поэтому цедили отвратительно тёплое пиво и курили за штабом дивизии. Прямо под окнами её командира.

– Ну посмотрим хоть на безумный размах инженерной мысли и пиво охладим заодно.

– Эка тебя, старик, с бутылки развезло! Тридцатник на улице почти, как ты его охладишь-то?

– Ой, пошли уже, дрищ. Просто слушайся старших!

– Так-то я майор целый, тащ старший мичман!

– А мне сорок лет! Я тебе в отцы гожусь. Почти.

В это время мы уже загребали ластами в сторону тоннеля. Печальные галстуки висели из карманов наших брюк, воротники рубашек были расстёгнуты до пупов, а пилотки усиленно впитывали пот с затылков. Жара в Заполярье – то ещё удовольствие, да.

– Э! Бизоны, стоять! Куда пошли?! – орёт с отлива помощник командира.

Он юн и зелен, как кипарис, и не заслужил ещё права убираться на стратегически важных объектах (типа дивизионной свалки) и поэтому ползает по склизким вонючим камням вокруг пирсов и собирает бычки с остатками туалетной бумаги.

– А кто на пиво не скидывался, тот вопросов не задаёт старослужащим! Морской закон! – отмахивается от него Михалыч, и мы сворачиваем за скалу.

Что удивительно в Гаджиево (во всяком случае, так было в те времена), так это контраст между внешней суровостью службы, старательно доводимой до абсурда, и полнейшим распиздяйством личного состава. Отвлекусь на пару строчек и объясню, что я имею в виду, одним случаем.

Стою как-то вахтенным инженер-механиком. Ночью уже, совсем поздно, звонит мне помощник дежурного по кораблю – молоденький, только старлея получил. Киповец ГЭУ[1 - КИП – контрольно-измерительные приборы; ГЭУ – главная энергетическая установка.].

– Что мне делать, – спрашивает, – нужен совет.

– Что тебе делать с чем?

– С дежурством по кораблю. Дежурный ушёл и обещал вернуться, а сам не вернулся.

– В смысле – «дежурный ушёл»? Куда ушёл?

– Не знаю, оделся в парадную форму одежды и ушёл.

– Так. Сейчас приду.

Дежурному по кораблю категорически запрещается покидать корабль всеми инструкциями, приказами, уставами и законами логики. Кроме того, дежурный по кораблю вооружён пистолетом, и до этого момента я считал такую ситуацию невероятной в принципе.

– Оружие его где? – спрашиваю уже в центральном.

– Не знаю. Не видел, с ним он выходил или нет.

– Иди в каюту его и поищи.

А сам звоню старпому:

– Доброй ночи, Константин Львович!

– Да какая же она добрая, если ты звонишь в полтретьего ночи? Докладывай.

– Дежурный по кораблю убыл с корабля в неизвестном направлении. На соседних бортах нет (вернулся киповец и отрицательно покачал головой), оружия нет...

– И ты из-за этого меня разбудил?

– В смысле?

– В прямом! Пошли пару человек по кабакам пройтись в посёлок: это же минёр! Сдали нервы, пошёл нажраться – тоже мне «чэпэ»!

И дал отбой. Вот и до сих пор не знаю, от чего я тогда больше охуел: от поступка минёра или от реакции на него старпома.

...Тоннель впечатляет даже отсюда. От воды залива его отделяет полоска серой земли. Повсюду однообразно-унылая, но прекрасная своими расцветками, бесконечностью и первобытностью природа Заполярья: вокруг чёрно-синего

залива бесконечные сопки, покрытые мхом, какой-то красной травой, мелкими кустарниками и тем, что здесь называют «деревья». В этот пейзаж вполне логично и не вызывая удивления вписался бы птеродактиль, но никак не идеально круглая дыра сорокаметрового диаметра в скале. С огромным барельефом Владимира Ильича над ней. А когда заходишь внутрь, то нет абсолютно никакой возможности не выдохнуть. Вот только что ты стоял на жаре, вокруг тебя обычный шум, который мозг уже впитал и обнулil до уровня фона: море, птицы, техногенные лязги, трески и крики, и тут резко, ровно через один шаг, изо рта начинает валить пар. Кругом снег, лёд и угасающий через несколько десятков метров дневной свет, и звонкое эхо от твоего вскрика «Ничего себе!» скачет куда-то вдаль, как шарик для пинг-понга, и затухает где-то минут через двадцать. Если кто-то из вас был в Керчи в июне двухтысячного и слышал звонкое «А-а-а-ать, ать ать!» откуда-то из-под земли, то это сто пудов был я. По реальности, данной мне в ощущениях, именно там примерно этот тоннель и должен был заканчиваться.

– Видал? – спросил Михалыч, деловито закапывая пиво в снег.

Как два маленьких мураша, мы уселись на площадку из ржавой арматуры и немедленно принялись болтать ножками над двадцатиметровой... ну... почти бездной, на дне которой в воде плавали льдины.

– Михалыч! Вот как это вообще можно было построить? А? Я тебя спрашиваю!

– В гранитной, заметьте, товарищ майор, скале!

– Ну. В гранитной скале. Это же как будто титаны какие-то делали!

– Ага. Узбеки это делали, с киргизами, в основном. И прикинь, мало им было, что они хуйню эту в скале выгрызли, так они ещё и барельеф Ленина сверху заебали. Восемь! Метров! В диаметре! Вот что это?

– Воинская доблесть, я считаю! Мол, смотрите, супостаты, именно здесь наши лодки и спрятаны, попробуйте достаньте!

– Ага. А подводники тут такие гуляют по стапелям, ну чай там распивают, в гости друг к дружке ходят, курят и карандаши точат, а за дверью – ад и полный пиздец человечеству. А потом выходят, когда у всех уже снаряды кончились, и начинают хуярить энд ебашить из всех калибров по врагам революции!

– Зачем? Вот в чём вопрос.

– Что зачем?

– Ну уничтожать остатки человечества? Ради чего?

– Ну как. Чтобы знали, блядь!

– А сами потом что они делать станут, эти героические, но теперь уже ужасно одинокие подводники?

– Ну здрасьте. Поплывут потом в Африку какую, где сохранились остатки родово-племенных строев, построят там себе гору Олимп и начнут возрождать, так сказать, человечество. С негритянками, например.

– Они ж там все страшные наверняка, негритянки-то эти в племенах.

– А что делать, Эдуард Анатольевич! Не для удовольствия же, а для возрождения разумной жизни на планете! Вот на твоих «Акулах» как всё планировалось?

– А примерно так всё и планировалось. Чуть что – «Акулы» сразу под лёд и шоркаются там полгода, а потом: «Здрасьте, господа империалисты, мы не видим ваших высоко поднятых от восторга рук!»

– А прожекты были у вас там такие, как этот, безумные по широте своего размаха?

– Был, Михалыч, один. Ракеты же на «Акулах» твердотопливные. Они точные, безопасные и с огромной дальностью полёта. Но. Возник один нюанс – больно уж они большие получились. Всякие там америкосы, чтоб не париться особо, клепают свои «стратегии» десятками и пасут их всё время недалеко от наших

берегов. Случись что, неизвестно ещё кто кого, то ли наши противолодочники с летунами их, то ли они нас. Как повезёт, в общем. Ну и хули тогда? Подумали наши полководцы – построим большие лодки, делов-то? Автономность им рассчитаем на сто двадцать суток, по двести боеголовок на каждую запихнём и под лёд их, шельмцов, запустим. А пусть-ка попробуют там с ними побороться! А то на чистой воде и дурак сможет, а подо льдом каждая «Акула» как папа будет! И построили ведь! Шесть, Михалыч, корпусов умножаем на двести, итого выходит: тысяча двести боеголовок с индивидуальным наведением каждая сидели бы подо льдом и ждали своего часа.

– Грандиозно, да.

– Несомненно. Но понимаешь, Михалыч, ракеты же на лодки грузить чем-то надо. Большие ракеты – большой кран нужен. Один такой есть в Северодвинске на «Звёздочке» и... И всё. И вот стали они кран строить прямо в губе Нерпичья, где «Акулы» базировались. Вот можешь ты себе, Михалыч, представить самый большой по твоему, сундуковскому разумению, кран?

– Могу!

– Представляй.

– Представил.

– А теперь увеличь его в два раза ввысь и вширь. Увеличил?

– Ага. Это же, блядь, в голове не укладывается!

– Ну вот. Как они его туда привезли, это науке неизвестно. Привезли, собрали, построили подстанцию для него с бесперебойным и автономным питанием, ну домов там наставили для обслуживающего персонала, может, даже садик какой со школой замутили и начали вести ветку железной дороги от Мурманска до этого крана.

– Провели?

– Не, километров восемь или десять не дотянули. Оказалось, что в то место, где стоит кран, «Акула» подойти не может, потому что река Западная Лица постоянно наносит туда ил, глину и песок. И как будто мало этого, но по загибам железной дороги ракету подвезти невозможно. Не знаю, расстреляли кого за это дело или повесили, но забросили проект в девяностопятипроцентной готовности. Так вот и стоит, Михалыч, этот кран с этим мини-посёлком, только железную дорогу всю на металл растащили.

– Охуеть.

– Ну.

– По пиву?

Мы вышли на солнышко и, щурясь под его лучиками, стали потягивать холодненький напиток, молчали какое-то время. Я осиливал тоннель, а Михалыч – кран.

– О, смотри, там дивизия вроде строится. Прикончили ПХД!

Мы с Михалычем привели себя в порядок и побрели строиться.

– Почему опаздываем? – рявкнул было на нас командир дивизии, крайне интеллигентный, в общем, товарищ. Единственный на моей памяти, который старательно избегал употребления ненормативной лексики. Не всегда ему это удавалось, но он старался.

– Тащ капитан первого ранга! – бодро доложил Михалыч. – Мы заканчивали работы на объекте! Решили, что пока всё не уберём, то нечего и начинать было!

– Молодцы! – обрадовался командир дивизии. – Вот она, ответственность, достойная моряка! Вставайте в строй!

Помощник, конечно, строил нам страшные рожи, но кто на него, выскочку, внимания будет обращать? Помощников в дивизии – шесть из шести возможных вариантов, а вот комдивов три – я один из двух на шесть экипажей.

Как я уже упоминал, СССР стремился во что бы то ни стало победить в третьей мировой войне и это ему, скорее всего, удалось бы. Но вот о людях своих он не думал совсем. Вернее, не то что о людях, а о том, какими способами и какой ценой они будут исполнять свои обязанности. Или наоборот, думал и верил, что из них, если что, и гвоздей наковать можно.

Есть на востоке Онежского полуострова село Нёнокса, и никому оно неизвестно, начиная от Калининграда и заканчивая Владивостоком. Ну село себе и село, а в двух километрах севернее его есть ещё один посёлок – Сопка, вообще никто про него не знает. Никто, за исключением подводников с Камчатки. Они-то уж знают даже координаты всех полигонов вокруг этих посёлков. А всё почему? А всё потому, что херачат они по этим полигонам своими баллистическими ракетами в целях обучения личного состава. В этих посёлках сидят северные военные, которые знают всё о таком же полигоне на Дальнем Востоке, потому что по нему стреляем мы. И готовят, соответственно, нам целеуказания для наших ракет.

Если вы смотрели всякие художественные фильмы на эту тему, то я вам расскажу сейчас правду. Целеуказания в головы баллистических ракет вводятся с помощью перфокарт. Специально обученные люди в посёлке Сопка, которые служат там от лейтенантов и до полковников, получив приказ, набивают стопку перфокарт, упаковывают их в специальный контейнер, контейнер – в портфель, портфели обвязывают тросом, печатают и приковывают к руке какого-нибудь капитана, например. Капитан садится на велосипед и едет на нём до ближайшей железнодорожной станции, там он прячет велосипед в кусты, садится на дизель и едет в Северодвинск, в Северодвинске он добирается до порта, где его ждут подводники. Подводники уже устали от пьянства и активного отдыха, они измаялись от красоты Северодвинска и твёрдости почвы под ногами, они сучат ножками и хотят уйти в море поскорее – поправить своё здоровье. Они уже загрузили ракету, и их командир написал на ней мелом какую-нибудь надпись, сообразно своему чувству юмора и залихватскости натуры (Александр Сергеевич писал «Лети с миром!»), и им, этим подводникам, не терпится уже стрельнуть этой самой ракетой, попасть ею в заданную точку и заработать пару медалек парням в штабах. Ну где уже этот сраный капитан с целеуказанием?

Уставший и пыльный капитан, который провёл в дороге несколько часов и часть из них – пешком и на велосипеде, с портфелем спускается на борт.

- Почему так долго? - Капитан уже привык, что он всегда долго, и не реагирует на это замечание командира.

На корабле немедленно объявляется тревога (на всякий случай, а вдруг пульнёт ракета?) и проверяются целеуказания. На разных этапах оно может не пойти - перфокарты, вы же понимаете. Во всяком случае, те из вас, кто помнит, что это такое...

- Не идёт, тащ командир!

- Проверили?

- Трижды!

Ну да, два часа уже сидим по тревоге. Капитан собирает перфокарты, пакует их и двигается в обратный путь пешком-автобус-пешком-дизель-велосипед из кустов - перебивка перфокарт. Потом в обратном порядке. И так до тех пор, пока перфокарты не пройдут проверку.

Та ещё работёнка, доложу я вам, зато капитаны эти всегда стройные и подтянутые, хоть и пыльные, как мешки из-под картошки. А вы говорите!..

Намотать на винт

Это знатная традиция в подводном флоте. Конечно, вас может удивить - мол, не девятнадцатый же век и всё такое... Конечно, средства защиты и уклонения развиты до невозможности, но есть одно «но». Всё это с успехом разбивается об алчность, отчаянность и наплевательское отношение рыбаков к строгим предупреждениям.

То ли у рыбаков есть такое негласное соревнование, кто больше словит подводных лодок в свои сети, то ли по их какому-то рыбацкому поверью, если траулер будет утащен в морскую пучину подводной лодкой, то весь экипаж попадает автоматом в рыбацкую Вальхаллу, где много сёмги, водки и женщин... Но все предупреждения о том, что в районе работает «единица» (подводная

лодка), ими упорно игнорируются, и они с упорством Сизифа всё время пытаются нас словить.

- Тащ командир, рыбаки!

Все эти истории обычно начинаются с такого доклада акустика.

- Да ну на!!! Опять?! Где он?

- На траверсе, но активно движется в нос на пересечение курса!

- Активно можешь работать?

- Никак нет, «Сталворт» (корабль разведки НАТО) в районе работает!

- Бля. Штурман! Можем покидать квадрат?

- Никак нет, тащ командир. Полтора часа ещё в нём находиться.

- Ну, ебжешь! Записать в вахтенный журнал: обнаружено рыболовецкое судно, начинаю манёвр уклонения, хода и курсы переменные! Ну как так-то? Ну, блядь, так хорошо всё шло!

- Сан Сеич, - шепчет зам, - система записи включена, а вы матом ругаетесь, что потомки подумают?

- Это не мат! - наклоняется командир к микрофону. - Это грубый военно-морской юмор! Так потомкам и передайте!

- Кодив три, ДУК[2 - ДУК - дистанционное удаление контейнеров.] к стрельбе изготовить! Антоныч, дров там каких напихайте, масла налейте, хуй знает, может, поможет!

- Внимание в отсеках! - командует командир в «Лиственницу». - Начинаю манёвр уклонения от рыбака!

И девятиэтажный дом длиной в два футбольных поля начинает маневрировать на глубине шестьдесят метров обеими турбинами, обеими САУ[З - САУ - система активного управления.] и обоими рулями, пытаюсь не походить на эхолотаре на косяк трески и уклониться от утлого ржавого кораблика размером с три спичечных коробка. Не знаю, если честно, как выглядит на эхолотаре косяк трески и как он там маневрирует, но нам ни разу не удалось обмануть рыбаков. Они всё время были уверены, что мы и есть тот самый заветный косяк рыбы.

- У него сейчас дизеля лопнут, похоже, - докладывает акустик, - не отстаёт и пытается пересечь курс!

- Да йобаный же папуас! ДУК, пли!

Трюмные жахают на поверхность пятно из досок и масла, а рыбаки, видимо, в это время радостно кричат на борту своего Боливара:

- Шпроты!!! Ребзя!! Ату их, ату!!!

Ну а иначе я не могу объяснить, как можно не понять пузырь из масла на поверхности в полигоне, в котором, по переданным им данным, находится подводная лодка?

- Скорость по лагу не соответствует оборотам турбин! - штурман.

- Лодку ведёт вправо по курсу! - боцман.

- Центральный! Растёт температура ГУП правого борта, обороты турбины самопроизвольно снижаются! - пульт ГЭУ.

- Да йобаный жешь ты нахуй! Акустик, где эти пидоры унылые?

- Правый борт, расходимся!

- Боцман! Пятнадцать градусов на всплытие! Товсь дуть среднюю!

- По местам стоять к всплытию! - объявляет механик по громкоговорящей связи, и лодка, припадая на правый борт, ползёт на перископную глубину.

На тридцати метрах командир уже кричит с перископной площадки:

- Поднять перископ!!!

На тридцати метрах поднимать его строго запрещено, поэтому тяну два-три метра и поднимаю.

- Осмотрен горизонт и воздух! Горизонт и воздух чист! Продуть среднюю!

В это время, я так понимаю, рыбаки уже отрубили свой трал, подозревая, что что-то пошло не так. А тут из воды на их изумлённых глазах выскакивает Моби Дик, только чёрный.

- Еба-а-а-ать! - кричат, видимо, в это время на рыбаке. - Ребзя, бегим!

- Стоп турбины! - командует командир и бежит наверх.

В обычном режиме сначала выравнивают давление перед тем, как открыть рубочный люк, но сейчас, судя по отсутствию свиста и удару по ушам, командир посчитал это лишним и открыл люк сразу.

- Што! Штобля!!! Штобля вы делаете, бакланы!!! - орёт командир, свесившись с мостика по пояс, в сторону ржавой коробочки, которая старательно отворачивается от нас и пытается удрать.

- Аркадий! - командует командир помощнику. - Ну-ка, блядь, раздвижной упор пусть кто-нибудь вынесет на мостик!

С раздвижным упором на мостик бежит Борисыч, командир седьмого отсека.

- Борисыч! Ну-ка, Борисыч, сделай вид, что это ПЗРК[4 - ПЗРК - переносной зенитный ракетный комплекс.], и прицелься в этих корсаров!!! Хоть обосрутся, может, козлы!!

Раздвижной упор сильно издали вполне себе похож на ПЗРК. Борисыч вскидывает упор на плечо, наводит его на рыбака и орёт дурным голосом:

- Тащ командир!!! К стрельбе готов!!! Цель на мушке!!!

«Ну что за клоуны», - думают чайки, которые в это время пытаются присесть на ракетную палубу.

Фиг его знает, какая там у рыбака крейсерская скорость, но улепётывал он от нас тогда знатно. Аж труба красная была. А на винт мы намотали, да. Знатная борода тогда на правом винте болталась. Два дня потом в базе сматывали её.

Пока суть да дело, Борисыч решил на мостике перекурить.

- Тащ командир, - докладывает в это время помощник, - «Орион»!

- Ну а как же? - даже не удивляется командир. - Ну а как же, блядь, по-другому-то?!

«Орион» (разведывательный самолёт НАТО) уже видят все даже невооружёнными глазами. На низкой скорости над самой водой он заходит на нас, сейчас будет рисовать акустический портрет.

- Центральный, акустический портрет искажайте - командир уже устал и ничего не хочет.

Мы начинаем запускать насосы, помпы и прочие механизмы по заранее отработанной схеме.

- Тащ командир!!! К стрельбе готов!!! Цель на мушке!!! - это Борисыч от избытка воинской доблести вскинул раздвижной упор на плечо и целится им в «Ориона», распугав своей неожиданной отвагой весь ходовой мостик.

- Борисыч! - Командир уже спокоен и расслаблен. - Что ты делаешь?

- Пугану его, тащ командир!!!

- Борисыч, у него минимум две ядерные торпеды на борту, если он тебя сейчас в ответ пуганёт, то ты даже усратья не успеешь. Вот же трюмная простота.

- Не, всё норм, тащ командир, - докладывает старпом, который следит за «Орионом» в бинокль, - лётчики ржут и хлопают Борисычу в ладоши.

И все начинают на мостике тоже ржать, в основном над Борисычем.

- Сами дураки, - бубнит Борисыч, спуская много килограмм своего железа в люк. - Хуй я вам больше упор свой понесу! Пусть люксы ваши любимые вам упоры носят свои!

А в базу передали: «Намотал на винт, ограничен в маневрировании. Прошу дальнейших указаний». Само собой, нас завернули в базу, куда мы ковыляли на одной турбине долго-предолго. А в базе оказалось, что ПДСС[5 - ПДСС - подводные диверсионные силы и средства.] (боевые водолазы осматривали нам корпуса и проводили работы всякие под водой) чем-то занят, и смотать трос нам надо самим и «срочнобля!!!».

И мы искали плотик, плавали на этом плотике в акватории губы Нерпичья, вызывая дружный хохот всех экипажей, спускали с него своих водолазов и два дня сматывали этот трал со своего винта.

«Дуст»

Не сочтите за гендерный шовинизм (ну или сочтите, как вам будет угодно), но мне абсолютно понятны любые профессии, которые выбирают себе женщины, и не совсем понятны две профессии, которые выбирают себе мужчины. Например, гинеколог. Ну вот какая детская мечта приводит мальчика к выбору профессии «гинеколог»? Вот я могу понять, как мальчик, почитав «Капитана Блада» и посмотрев «Секретный фарватер», захотел стать моряком. А что он прочитал или посмотрел, после чего захотел стать гинекологом? Вторая непонятная для меня профессия - это химик на подводной лодке.

Мне лично вообще непонятно, как можно настолько любить химию, чтоб выбрать её своей профессией, но я могу это представить ещё. Но вот химик на подводной лодке – он же не химик вообще. Никакой химией он там не занимается от слова «вообще». Он, безусловно, незаменим, и в его заведовании находится наивценнейший ресурс – воздух. Он отвечает за производство кислорода и удаление углекислого газа (грубо говоря), но никаких там пробирок, реакций, формальдегидов (или как они там называются) и ковалентных связей! Ну стоит установка гидролизная и компрессор с баллонами, и в каждом отсеке приборы для раздачи кислорода – но, позвольте, при чём тут химия? И ещё для меня всегда было загадкой, почему это – отдельная служба, а не четвёртый дивизион в БЧ-5? От этого получается некоторый диссонанс: химик – он вроде как и не люкс, но и не механик же. И «пассажиром» его не назовёшь, и «маслопупым» тоже. Поэтому называют их «друзьями».

Почему «друзьями»? А потому что – нехуй! Именно так и ответил мне старшина роты, когда я у него спросил, почему именно «друзьями», а не каким-нибудь более благородным словом. Логика в данном объяснении я не уловил, конечно, но наш старшина вообще был специалистом по переплавке логических цепей в прямые штыри длиной не более пяти сантиметров. Химический факультет был самым разношёрстным по составу, и вообще непонятно было, что они там учат и чем занимаются в то время, когда не бегают в самоходы и не разлагаются в своём общежитии. Это вот было для нас, как чердак в старом заброшенном доме: наверняка там что-то есть и даже происходят какие-то события, может даже живут крысы и привидения, но на самом деле – хрен его знает что там творится. Часть поступивших туда были идейными химиками (загадка природы), а другие просто не смогли поступить на нормальные факультеты и вовремя воспылали любовью к химии. Они и выглядели самым разношёрстным сборищем: от откровенных фриков до красавцев-качков. Один, помню, учился там нерусский – здоровый, как шкаф. Ну как учился – как ни заглянешь в спортзал, он там качается. Мы с ним разговаривали даже четыре года почти каждый день.

– Привет, братан! – басил он, сжимая мою руку чуть не по локоть своей лапищей. – Обижает кто?

– Да не, – отвечал я ему. – Вообще никто не обижает.

– Ну ты это... Говори, если что.

И так вот четыре года без изменений даже в интонациях. Поэтому, понимаете, от них держались как-то особняком несколько, но чего у них было не отнять – ребята были весёлые. Для меня всё представление о химиках ограничивалось этим вот качком, ещё одним длиннющим, рыжим и ужасно нескладным парнем и двумя земляками-спортсменами моего друга Вовы. А потом я попал на флот и познакомился с нашим корабельным химиком Димой, с самой настоящей залихватски-пиратской фамилией... Не скажу какой.

И знаете, что я вам скажу про Диму? Дима был охуенным. На этом, в общем-то, можно было и закончить рассказ о нём. Для себя, во всяком случае, я уже всё рассказал, но для вас напишу ещё несколько букв.

Дима был на год (или на два, точно не помню) старше меня и, естественно, пришёл служить сразу начальником химической службы, так как других офицерских должностей химиков на корабле просто не было. Вот пришёл ты лейтенантом и сразу занял верхнюю ступеньку иерархии своей служебной лестницы на корабле. Круто же? А вот и нет. Спрос с тебя сразу же как с начальника службы, а ты ещё совсем неоперившийся юнец. На некоторых юных химиков смотреть было даже жалко из-за этого, но только не на Диму.

Во-первых, Дима был умён. Во-вторых, в меру нагл. И в-третьих, он всегда был по военно-морскому красив. Ни единого раза за всю нашу совместную службу я не видел его небритым, неглаженным, неопрятно одетым или неаккуратно причёсанным. Даже страдающим с бодуна я его не видел ни разу. Вот вчера (плавно переходящим в сегодня) вместе пили, сегодня все – как говно, а Дима – огурцом. Ну не в смысле, что зелёный и пупырчатый, а свежий и бодрый. А ещё у Димы был каллиграфический почерк. Вот, блядь, откуда у химика взялся каллиграфический почерк, скажите мне, люди добрые? Да, я ему завидую и не намерен даже этого скрывать, потому что когда я пишу, то в соседних деревнях молоко прямо в коровах киснет, а он когда пишет, то прямо «аххх!». И Дима всегда был готов помочь этим своим почерком. Например, он на весь экипаж рисовал тушью боевые номера, которые люди потом пришивали себе на грудь. На сто восемьдесят человек, на минуточку! Я до сих пор храню этот боевой номер и когда на него смотрю, то сразу Диму вспоминаю. А ещё я вспоминаю Диму, когда смотрю на вымпел, который мне, как и каждому члену экипажа, вручил командир к десятилетнему юбилею корабля, и на каждом вымпеле Диминым почерком написано.

Вот сидел человек и подписывал сто восемьдесят (примерно) таких вымпелов – ну не умничка ли?

Дима любил военно-морскую форму и носил её со вкусом и знанием дела. Это, конечно, даже служило поводом для некоторых подколов. На одном строевом смотре, например, офицеров неожиданно попросили предъявить платки и расчёски. И Дима предъявил, чем вызвал неподдельное удивление даже у проверяющего, а старпом спросил у него шёпотом: «Дима, так может у тебя и яйца на одном уровне висят даже?» А когда начали вводить новую форму одежды и нам её выдавать, то Дима был первым офицером (скорее всего, на всём флоте), который надел пилотку нового образца. После старых, родных и уютных военно-морских пилоток, которые были полукруглые и через три-четыре года ношения срастались с черепом настолько, что в них даже спать можно было ложиться, новые прямоугольные, откровенно похожие на фашистские и прозванные в народе «буйновками» от фамилии певца ртом Буйнова, вызывали дружное и стойкое отвращение, но только не у Димы.

– Это что у тебя на голове? – удивлённо спросил командир Диму утром на построении.

– Это – пилотка, тащ командир! – бодро ответил Дима.

– Точно-точно пилотка? А где ты её взял?

– А их всем выдают на складе, тащ командир!

Командир с интересом оглядел строй, не нашёл ни одной такой пилотки. Потом снял свою с головы, посмотрел, подумал, сказал «ну ладно» и пошёл дальше.

А какие нам пытались выдавать фуражки! Мать моя женщина! Штук пять бакланов легко могли свить себе гнёзда на их поле, а тулья была так высоко и круто задрана, что даже в руках держать их было как-то неудобно. От скромности, конечно. Раньше-то мы фуражки такого размера только на Грачёве видели, а тут нам предлагалось и самим приобщиться к прекрасному натуральным образом. Мы и старые фуражки-то не носили в задуманном их конструкторами виде, а делали из них прекрасные, практичные и чёткие военно-морские «грибы». И тут опять: все знают, какие пружины нужно выбросить, какие укоротить, сколько вытащить ваты и как и где подрезать. Но все бегают к

Диме и ноют: «Ну Ди-и-и-имочка, ну пожалуйста, ну сделай мне гриб!» – потому что Дима делал форменную красоту и шик, а все остальные – как бы порнографию, но только без сисек.

И Диму все любили и уважали, без малейшего исключения, потому что Дима был добрым и справедливым.

– Сей Саныч, а почему вы мне «шила» налили меньше, чем Антонычу?

– Чё это меньше? Столько же и налил.

– Да как столько же? У него во-о-он какая бутылка, а у меня вот какая всего!

– Это потому, Дима, тебе кажется, – учил его Антоныч, – что в чужих руках всегда хуй толще!

Диме не очень везло с подчиненными – один из его мичманов был откровенным бездельником с помелом вместо языка, а второй – хроническим алкоголиком, которого Дима жалел, потому что двое детей, но которого всё-таки уволили после того, как он выбросил диван из окна пятого этажа, потому что в нём поселились марсиане. В общем-то, они ему и не мешали, но наотрез отказывались платить за проживание (ну марсиане, что с них взять?), чего и не выдержала в итоге справедливая мичманско-химическая душа. И даже после этого Дима продолжал его жалеть, хотя получил взамен нормального и избавился от части работы.

Дима был единственным человеком на корабле, который никогда не носил ПДА в море. Как ему это удавалось, я не знаю, стандартная его фраза «Я же химик, у меня встроенный» вряд ли помогла бы ему, так как за ношение ПДА жёстко драли всех без исключения и даже командир дивизии, выходя старшим на борту, всегда ходил с этой штуковиной. Но только не Дима. Представляете, какого обаяния был человек? Не представляете скорее всего. Но я вам подскажу – неизмеримого. У него всегда всё работало, всегда всё грузилось и выгружалось без ЧП и отрезанных пальцев, всегда всего хватало и даже было с избытком. Вот просто такой царь, а не начхим, создавалось впечатление.

Царь потому ещё, что у него были ключи от курилки, куда можно было втихаря сбегать покурить в базе, когда на улице сильный мороз или лень после сауны. Так-то, конечно, открытый огонь на подводной лодке категорически запрещён в любом виде, естественно, но если начнем в друзьях, то почему бы и нет? А ещё в курилке хранились кассеты с палладиевой шихтой в количестве нескольких десятков штук и ценой в один подержанный автомобиль каждая. Но ключи Дима оставлял не всем, конечно. Даже мне давал пару раз, от чего, не скрою, я очень гордился, потому что такая степень доверия, знаете ли, не так просто заслуживается.

Дима потом уехал учиться на свои химические классы и ушёл на повышение флагманским химиком дружественной дивизии в Гаджиево. Дима жив и здоров и, надеюсь, так же весел и обаятелен, каким и будет всегда в моей памяти.

Прозвище «дуст» для меня перестало носить какой-то некрасивый оттенок после знакомства с Димой. Потому что Дима был всем друзьям дуст. Не слово, знаете ли, красит человека, а человек – слово. Что такое слово в отрыве от человека? Произвольный набор букв, случайно придуманный каким-то неизвестным науке человеком для обозначения какого-то объекта или события, а чаще всего для обмана другого человека. Поэтому, чтобы придать слову какой-то вес или окрас в собственных глазах, приложите его к знакомому вам человеку и потом уже окрашивайте. Как я, например, приложил слово «дуст» к Диме, и слово теперь это для меня почётное.

Но всё равно, хоть убейте меня, не понимаю, почему мужчины идут в гинекологи.

Книга о вкусной и здоровой пище

– Вот, Саша! – сказала Юля дрожащим от торжественности голосом и протянула Саше увесистый кирпич в целлофане. – Это тебе от нас с Костей подарок! Поздравляем!

Чмокнув Сашу в щёчку, Юля убежала в комнату к шумной ватаге гостей. У Саши сегодня был день рождения. К этому моменту он уже с благодарностью принял от друзей шесть пен для бритья, три лосьона после бритья и два бритвенных станка фирмы «Жиллет». У Саши, правда, не росли волосы на лице и он не брился, но эти детали мало кого волновали. Мало ли где он там побрить себя захочет, правильно? Причём одну из пен лично я даже знал в лицо – дарил её два месяца назад на Новый год Сергею и вот эти вот кривые шнурики на подвязках упаковки лично кучерявил ножницами.

– О! – подкинул Саша в руках увесистый кирпич. – Не пена же точно?

– Ну, или очень большая пена в квадратном флаконе! – Я на правах первого пришедшего товарища помогал Саше убирать верхнюю одежду и подарки в спальню, чтоб освободить их от посягательств большого чёрного ньюфаундленда Уксуса. Уксус был псом воспитанным и ничего такого с шубами и пуховиками не делал, конечно, но уж больно любил вить из них себе гнёзда, что не всеми гостями воспринималось с должной готовностью.

– Давай посмотрим, интересно же! – и Саша начал быстренько рвать упаковку подарка. – О! «Книга о вкусной и здоровой пище»! Судя по её размеру, в ней прямо и ингредиенты лежат! Та-а-ак, сейчас-сейчас! «Возьмите антрекот...» Ясно. «Возьмите свежую телячью вырезку...» Ясно. «Возьмите помидоры...» Ясно. «Возьмите чернослив и каре ягнёнка...» Ясно. «Возьмите рис басмати...» А что такое «рис басмати»? Короче, ясно. Эд! Хочешь книжку тебе подарю?

– Не-не-не! У меня дома уже есть четыре! На двух телевизор стоит, на одной диван и на одной – кактус умирает. Мне пятую деть некуда!

– Ну как хошь! Тогда на двадцать третье тебе её подарю! Пошли за стол!

С Сашей мы учились вместе и попали служить в одну флотилию, но в разные дивизии. Поэтому встречались не то чтобы очень часто, но контакт в виде совместных пьянок по поводам и без поддерживали регулярно. У Саши была одна удивительнейшая способность, а может, даже и талант: ему не было еще и тридцати лет, а он уже был трижды разведён. Но не это главное. Главное то, что все разводы у него проходили словно по книжке-методичке «Как быстро развестись с женой, не потеряв имущества и нервных клеток». То есть легко и

непринуждённо, как балет в телевизоре. Жена просто подписывала документы, собирала вещи в чемодан, чмокала Сашу в щёчку и уезжала к маме. Или не к маме. Может, их Саша в сопках закапывал, искусно заметая следы, а всем говорил, что к маме. Посудите сами: ну какова вероятность того, что, разведясь три раза за шесть лет, ты по-прежнему останешься жизнерадостным оптимистом, у которого даже чайник, купленный ещё до первого брака, ни одна из трёх жён не забрала?

Стол ломился от разнообразной и, несомненно, сытной еды. Здесь были серые пайковые макароны с тушёной, котлеты из тушёнки, пельмени с тушёной, голубцы – вы и так уже поняли с чем. Царственно возлежала пицца из толстого дрожжевого теста, украшенная солёными огурцами, квашеной капустой и секретным соусом из майонеза и содержимого пакетиков от растворимой лапши. То есть по меркам девяносто шестого года это был очень богатый стол – на нём же был майонез! И десерт. Роль десерта в этой вакханалии вкуса и калорийности играл торт «Гробик» из батона, печенья и, опять же, пайковой сгущёнки. Если бы это меню увидел шеф-повар неважно какого, но дорогого ресторана, то он немедленно, я уверен, порвал бы свой диплом и постригся бы в монахи. А, ну там же был ещё и алкоголь в бутылках из-под дорогого алкоголя. На бутылки никто уже давно не вёлся, все знали, что там спирт, разбавленный водопроводной водой. Правда, Саша любил шикануть и добавить на литр ложку сахара и дольку лимона – никакого ощутимого послевкусия это не давало, но знатоки утверждали, что спирт после этих манипуляций становится «мягче» и пьётся, как нектар богов. Не знаю, спирт как спирт. Разливание его по красивым бутылкам начиналось как приколы, а потом переросло в традицию.

Я сам, помню, привёз из отпуска красивую бутылку водки из матового стекла с окошком, гербом «Погоня» и красно-белым шнурком на бутылочной шее. Водку выпили моментально, а бутылку выбрасывать было жалко из-за тяги к прекрасному. А ещё Борисыч подогадал мне для неё стеклянную пробку из химической лаборатории, аккурат по размеру, – ну как вот было такое выбросить? И я наливал в неё разбодяженный спирт и всем торжественно объявлял: вот, мол, привёз с Родины водки класса супер-экстра-два икс эль, откушайте гости дорогие, не побрезгуйте. И гости любовались корабельным спиртом на свет, медленно тянули его губами, полоскали во рту и, ловя послевкусия, восхищённо цокали языками, покорённые навечно недостижимым качеством белорусской водки. Главное тут было не заржать – ну зачем людям портить удовольствие, правильно? Потом, правда, когда шнурок поменял цвет

на серый темного и светлого оттенков, фокус этот стало проводить проблематично – водка-то по-прежнему была великолепна, но вот внешний вид угощения начал вызывать подозрения.

К этому моменту, пока я вам рассказывал про как бы водку, уже было выпито: спирт с водой (1:2) и сахаром из бутылки «Чёрная Смерть» – две штуки, спирт с водой (1:3 пропорция «для дам») и сгущённой из бутылки «Бэйлиз» – одна штука. Гости заметно расслабились и повеселели, до танцев дело ещё не дошло, но до разговоров – вполне себе.

– Как тебе подарок? – спросила Юля, перекрикивая «Зэй донт кэр эбаут ас».

– Какой из? – уточнил Саша, перебирая в уме всю эту кучу абсолютно бесполезного, но от этого не менее ценного хлама.

– Ну, наш с Костей! Книга рецептов! Я её из Питера привезла!

– Да... не знаю, круто, наверное, но только рецепты какие-то сложные!

– Да что там сложного? Вот какие рецепты ты знаешь несложные?

– Вот, например, пельмени! – торжественно объявил Саша, подняв над головой тощий пельмень, безжалостно проткнутый вилок. – Мой рецепт такой: возьмите жену, фарш и муку...

– Саша-а-а! Фу-у! Ну что за сексизм! А если у тебя нет жены? – не выдержала простоты рецепта Юля.

– Чо, проблема жену найти? – искренне удивился Саша.

– Ну не для пельменей же!

– А для чего ещё? Юля, я тебя вообще не понимаю, а для чего ещё жена-то нужна?

– Костя! Скажи ему!

– Э-э... – замер Костя. – Любовь?

– Вот! Видишь, Саша! – Юля не заметила, как Костя облегчённо вздохнул, от радости, что разгадал этот ребус с первого раза.

– Не, Юля, как говорится в русской народной поговорке, любовь приходит и уходит, а пельменей хочется всегда! – и Саша ловко увернулся от брошенной в него Юлей котлеты.

Выпили за дам, ещё раз за дам и опять за них же. По старой, в общем, морской традиции: «Первую – за виновника, вторую – за родителей, третью – за тех, кто в море, и с четвёртой по тридцать восьмую – за дам».

– Пора с Уксусом гулять! – объявил Саша. – Может, кто хочет?

Хотели все. Уксус был огромным, чёрным и страшным, как апокалипсис, но добрейшей души псом, прямо как Владимир Ильич в книжке «Детям о Ленине» издательства «Малыш» 1973 года. Поэтому все и пошли сначала за Уксусом и верхней одеждой в спальню.

– Бля! – не выдержала Юля, распахнув дверь.

– Ура! – не выдержал я, заглянув в комнату через её плечо.

Уксус лежал посреди комнаты, зажав передними лапами «Книгу о вкусной и здоровой пище», и ел её. Кормил-то Саша Уксуса лучше, чем себя, но зубы у того чесались, а вещи в доме грызть ему было строго-настрога запрещено. Но книга была новой, пахла магазином, поездом, автобусом и Юлиными духами, но никак не домом, поэтому Уксус вполне логично решил, что на неё-то запрет уж точно не распространяется.

– Чему ты радуешься, дурак! – ткнула меня Юля локтем.

– Тому, Юлия Владимировна, что теперь он мне её точно не подарит!

– Облом, да, – вздохнул Саша, – тогда пену для бритья придётся. Уксус! Ты это, не чавкай хоть! Вдумчиво жуй-то! Из самого Питера угощение приехало, не абы что тебе!

– Дураки дурацкие! – надулась Юля.

Уксус водил из стороны в стороны глазами цвета перезрелой вишни. Он понимал, что что-то не так, но никто же на него не ругается, в чём тут тогда дело? А, подумал Уксус, это же крайне неинтеллигентно – есть одному! Он аккуратно (из Питера же привезли) взял книгу своими зубищами, поднёс её к Юле (видимо, потому что она выглядела самой огорчённой), положил к её ногам и махнул головой. Мол, угощайся, сестрёнка!

– Ты мой умница! – обхватила Юля собачью голову. – Одна пойду с тобой гулять! Пусть дураки эти пьют сидят!

– Дык эта, – не понял Костя, – мы тогда это... танцы начнём! Позажигаю тут без тебя!

– Мне пофиг! Я Уксуса одного теперь люблю! – и Юля захлопнула входную дверь.

– Не, ну в чём логика-то? – не понял Костя.

– В Юле, Костян, в Юле! Пошли танцевать!

Хороший вышел тогда день рождения. Хотя я плохого праздника в те времена и не помню. В чём тут дело, не сразу и поймёшь, но думается мне, что в простоте отношений и любви к жизни, не сочтите за высокопарность. Вот вы как живёте, например? Так, как будто жить будете вечно, – правильно? И друзья ваши будут жить вечно, и родственники... Поэтому обязательно нужно соблюдать все эти условности: пригласил меня друг (брат, дядя) на день рождения – надо идти. Но перед тем как идти, надо же ещё обязательно спросить: «А что же тебе подарить, дорогой мой друг (брат, дядя)?» Предположив тем самым, что именно за этим-то он вас и позвал, чтоб вы ему что-нибудь этакое подарили. А если не позвал? Тогда надо сидеть гордо дома и дуться, лишь написав ему смс или позвонив.

Мы эти условности в те годы отметили как несущественные погрешности в правилах хорошего тона. Да и до сих пор многие из нас их и не придерживаются. Вспомнил, что у друга день рождения, – положил банку тушёнки или бутылку спирта в карман и пошёл поздравлять. Нет тушёнки и спирта? Так пошёл ну или нашёл дома какую-нибудь абсолютно нужную (по твоему мнению) твоему другу вещь, вытер с неё пыль и понёс. Вот так и ходили – праздник, например, шестнадцатого числа, а с двенадцатого по двадцатое к тебе все ходят. Кто как вспомнил, так и пришёл, если ты заранее всех не оповестил о дате сбора. Поэтому приходилось объявлять, да, чтобы хотя бы сузить поток до пары дней. А ещё, помню, пытались мы договариваться, что ходим без подарков в гости. Принципиально, чтобы прекратить этот бессмысленный круговорот пен для бритья в природе северных морей.

– Шовкат, это что?

– Вот. Лосьон тебе после бритья принёс. В подарок!

– Шовкат, ну мы же договаривались!

– Не, ну не по-русски как-то с пустыми руками идти!

– Шовкат. На секундочку. Ты – узбек, блядь!

– Ну мы же в России!

– А логика-то где?

– Логика? А в Юле!

Сколько раз потом икалось этой Юле после того праздника – даже сложно представить! Хотя это всё было, конечно, безотносительно к её личности. Она на первый взгляд производила впечатление легкомысленной и ветреной стрекозы, но до того случая, как её мужа Костика обожгло паром и он лежал в барокамере в реанимации несколько суток, а она дежурила под дверями все эти дни с осунувшимся лицом и потухшими глазами. Как её ни уговаривали пойти и

отдохнуть, как ни просили и врачи, и мы, её друзья, – она категорически отказывалась отходить от госпиталя. Один Саша, когда приводил ей Уксуса, мог заставить её пойти с ним погулять. Только после того, как Костик пошёл на поправку и ей разрешили с ним поговорить, только после того, как она сказала ему, что любит его и ни за что на свете не оставит, она просветлела лицом и убежала домой по своим легкомысленным делам. Вот такая вот на первый взгляд стрекоза с книгой о вкусной и здоровой пище из самого что ни на есть Петербурга.

Амба

Случай этот происходил уже в двадцать четвёртой дивизии атомных подводных лодок Северного флота. Для начала, на примере этой дивизии я расскажу вам о том, как толстолобые (то есть конструкторы и флотоводцы всех мастей) троллили подводников от всей своей учёной души, и звание «пиджак» не то что не оскорбляло их, а было слишком малой расплатой за их шуточки.

Вот представьте на секундочку, что вы – подводник. Вам не очень повезло и вы не попали служить в восемнадцатую дивизию, но повезло, что не попали в Гремиху или на остров Новая Земля. Вы прибываете в двадцать четвёртую дивизию, в которой состоят лодки проекта 971 («Акула» по классификации НАТО и «Щука Б» по нашей собственной). Естественно, натовцы прозвали их «Акулами», то есть хищниками морей, не просто так: лодки бесшумны (пожалуй, единственный проект, способный незамеченным преодолеть систему SOSUS), скороходны и глубоководны. Они вооружены торпедами, крылатыми ракетами и даже имеют на борту три контейнера (восемнадцать ракет) ПВО «Стрела-3М». То есть любой, будучи натовцем, боялся бы их со страшной силой, так как это – основные ударные многоцелевые лодки СССР. И именно они фотографируют натовские военно-морские базы в свои перископы, в то время как потенциальный противник и не подозревает об этом, потягивая коктейли в Мексиканском заливе и любуясь на прекрасные пейзажи из полосатого шезлонга под защитой ВМФ США, а прямо из этих пейзажей его и фотографируют. Но об этом становится известно уже потом, а не в момент любования. Мне бы было страшно потом, например.

И кроме всего прочего, вам выдают вот такой вот прекрасный шеврон, на котором красноглазый от избытка опасности в крови леопард перекусывает «Лос-Анджелес» и объявляют, что дивизия называется «кошачьей» потому, что в ней служат лодки с именами «Барс», «Тигр», «Пантера», «Леопард» и «Гепард». Ну круто, чё! Вы пришиваете шеврон себе на рукав и гордо ходите плечом вперёд – ну красиво же и торжественно, правда?

Какие-то гениальные умы, правда, приписали к дивизии лодку с названием «Волк», ну да ладно, почти же тоже кошка, хоть и собака. Но «пиджаки» не утихомириваются и, кое-что модернизировав, присылают к вам служить «Вепрь». Не, ну нормальные вообще люди? Ну как травоядная свинья коррелируется с этими всеми благородными хищниками? Ну какая тут логика, а? Нельзя было его на Камчатку куда-нибудь спулить? Говорю же, издеваются над подводниками! Я уже молчу про приписанную к дивизии «Грушу», но это уж сами флотоводцы постарались.

Но знаете что? Подводники же русские и гордятся не «потому что», а «несмотря на», и любой подводник из двадцать четвёртой дивизии сказал бы вам гордо, что служит в «кошачьей дивизии» несмотря на волка, вепря и грушу.

Вот на этом самом «Вепре» мы и вышли двигать науку. Не знаю, как насчёт «вперёд», но точно не в Архангельск, потому что помогали учёным испытывать новый, революционный, акустический буй. Этот буй мог настолько точно срисовывать акустические портреты, что становилось ясно не только какой корабль мимо него прошёл, но и что там у них на обед сейчас готовят. Особенностью его было то, что он, сука, был дорогой. Главный учёный на испытаниях так и сказал:

– Ребята! Только он, сука, ужас какой дорогой! Вы уж там поосторожнее!

– А мы-то что с ним сделать можем?

– Ну не заденьте там, когда галсами вокруг него ходить будете, да найдите потом его в море!

– В смысле – «найдите»? Вы же на буксире будете, сами и ищите его потом!

– Понимаете, – откашлялся представитель военного штаба, который отвечал за испытания и взаимодействие, – у нас с соляжкой очень напряжённо, а у вас же топливо бесплатное!

– Што-о-о-о? – выпучил глаза командир. – Что это значит – «бесплатное»?

– Ну вам же не надо заправляться – у вас реактор и всё такое!

– То есть, по-вашему, уран дешевле, чем соляжка? Ну ладно, опустим этот момент как несущественный. Мне и так уже всё понятно. Но товарищ учёный, на чём основываются ваши подозрения, что мы его заденем?

– Ну понимаете, я же не в области управления кораблями специалист и догадываюсь, что управлять подводной лодкой сложно, особенно, при таких условиях, поэтому... вот.

– Может, поспорим?

– Не-не-не-не-не! Меня коллеги категорически предупредили с подводниками не спорить вообще ни о чём!

– Ну ладно, хотя жаль. Давайте ваши графики нашего движения.

А происходило всё это дело в самом что ни на есть Белом море в бухте Умба. В бухту Умба впадала река Умба, на её берегу располагался посёлок Умба, раболовецко-свиноводческий колхоз «Умба» и всё остальное, что располагалось вдоль этого берега, называлось тоже вы уже догадались как. Походили мы надводными и подводными галсами вокруг этого буя, попеременно включая и выключая устройства и механизмы, а также меняя скорости хода. Потом нашли его, словили, передали на буксир и зависли на пару дней в надводном положении, ожидая, пока учёные на буксире расшифруют полученные данные и дадут нам «добро» уходить или всё заново придётся начинать. Но так как высокий уровень профессиональной выучки и исполнительности не давал нам оснований сомневаться в правильности выполнения нами всех предписаний, то мы считали, что просто отдыхаем. Подвахтенные убежали наверх помочить крючки своих удочек в серых водах Белого моря, потому как раболовецкий колхоз не зря же вон прямо с борта виден!

– Тащ командир! Прошу разрешения с двумя членами экипажа убыть на берег, в посёлок Умба! – обратился к дремлющему в центральном командиру замполит.

– С двумя членами?

– Так точно!

– В Умбу?

– Совершенно верно!

– С целью?

– Наладить отношения с гражданским населением! Может, там, помочь чем им надо или лекцию в клубе прочитать живыми подводниками. Ну и так, мало ли.

– Помочь?

– Ага!

– Колхозникам?

– Ну!

– Подводниками?

– Ими самими!

– Не, ну ехайте, конечно, помогите.

Чтоб у вас не возникало никаких там всяких мыслей по поводу этого замполита, то скажу вам, что когда в море смыло волной двух подводников, то именно он держал страховочный конец, которым они были привязаны. Этим самым страховочным концом он разрезал себе ладони до костей, но не выпустил его из рук. Страховочный конец оборвался, потому что был гнилым, как и всё техническое и материальное состояние военно-морского флота в те годы, а

замполит – нет. Потому что был из гранита и стали, хоть и замполит.

– Так вот ты какая, Амба! – сойдя на берег, сказал замполит и поклонился. – Ну что вы вылупились? Шутка юмора же!

– А-а-а-а. А то мы уже и растерялись, что делать: смеяться или верёвками вам руки вязать, чтоб к доктору доставить!

– Тупорезы! Пошли председателя искать.

Заглянув во все двери и опросив малочисленное население, председателя нашли на свинарнике. Вместе с ещё двумя колхозниками он тащил вдоль загонов телегу и вилами сбрасывал в кормушки для свиней натуральным образом самую что ни на есть красную рыбу.

– Эссссс! Ссссселяне! А что это вы тут делаете такое?! – спросил замполит выпученными глазами.

Селяне почесали под шапками-ушанками, переглянулись, пожали плечами и ответили председателем:

– Ну свиней кормим, чо же ещё-то, незнакомый человек в чёрном!

– Свиней? Красной рыбой? – и замполит начал судорожно шарить по правому бедру в поисках маузера, которого, к счастью для селян, там не было.

– Ну. А чем нам их кормить? Дошираками штоле? Так она дороже у нас!

– Красной! Рыбой! Свиней! – Замполит начал вращать глазами вокруг в поисках каких-нибудь свободных вилок или кистеня, на худой конец.

– Да не переживай ты так, мы-то икру из неё вынули, какая в ней ценность осталась?

Замполит завис на секунду. Он смотрел, как хрюшки радостно трескают рыбины размером с половину его оклада каждая, и не мог разобраться – они ему подмигивают дружески или издевательски?

– То есть как это никакой ценности? – решил он наконец уточнить у председателя свой разорванный в клочья шаблон.

– Да так! – сплюнул председатель. – Нам её перерабатывать негде, вот она и гниёт за сараем, а свиней кормить нечем, комбикорма нам дорого покупать!

– То есть как это гниёт?

– Так и гниёт! С мухами, слизью и неприятными запахами!

Теперь уже настала очередь замполита чесать под шапкой. Нет, он конечно же знал по роду своей специальности, что Россия – богатая страна. Но вот до сих пор не осознавал – насколько. В тот момент, возможно, такой подход к использованию природных ресурсов страны казался ему малорациональным, но был он уже капитаном второго ранга с седыми висками и знал, что стране-то он вряд ли поможет, а вот экипажу...

– Так это... – решил он наконец спросить замполит у председателя. – Может, мы возьмём какой рыбки посвежей, ребят вот своих покормим?

– Вы с той лодки? – уточнил председатель.

– С неё, да.

– Вот сколько хотите, столько и берите! Хотите, мы и лодку вам дадим, чтоб больше увезти!

– Конечно, хотим! И гребцов тогда!

– И гребцов, само собой.

– Не понял, – удивился командир, – а как это зам на одной лодке отчалил, а обратно на двух гребёт?

– На abordаж, видимо, взял там кого или контрибуцию везёт с покорённого им порта, – предположил старпом. – Боевой же офицер, а не труба на бане!

И вот тут-то и началось употребление красной рыбы на первое, второе, салат, десерт и компот. От крабов-то я и до этого нос уже воротил, после голодных девяностых, но вот так красной рыбой не обжирался никогда, конечно. Селяне потом нам привезли ещё красной рыбы с икрой и продавали её по цене примерно булки хлеба за килограмм.

А с бумом всё нормально было. Учёный, расшифровав данные, кричал нам с буксира спасибо, хлопал в ладоши и, сцепив руки в замок, махал ими над своей светлой головой:

– Грандиозно, ребята! Перфектно! Великолепно! Прорыв! Прорыв в науке! Прорыв, ребята! Эх мы и зададим сейчас супостату!

– Ну да, ну да, – вежливо кланялся ему с рубки командир. – Зададите, непременно!

На тот момент в его экипаже было процентов семьдесят прикомандированных людей при разрешённых, согласно руководящих документов, для выхода в море не более тридцати. И часть из них была прикомандирована из береговых частей – они не проходили никакой подготовки и в море вышли вообще в первый раз, что категорически запрещалось всеми руководящими документами.

Командир не спал уже неделю, как и тридцать процентов его родного экипажа, потому что было уже откровенно страшно. Нет, не за себя, а за того, кто стоял бы на посту, если позволить себе расслабиться и поспать. Да и за себя тоже, конечно, ведь каков бы ни был ты герой, а жить хочется. И детей растить, и, может быть, даже ходить в театры и на выставки в картинные галереи, даже если и не на Айвазовского, а на выставки авангардистов, – но лишь бы ходить. Щуриться на солнце и держать за ручку своего маленького сыночка или доченьку и никогда больше с ними не прощаться навсегда, уходя в море на

неделю. Просто поправлять бантик перед школой, готовить омлет с зелёным горошком. Учить завязывать шнурки и давать отпор хулиганам. А ещё, обязательно, – целовать носики перед сном. Всё сложное просто на самом деле, как ни крути.

Начинались двухтысячные.

Крайне положительный образ

– Ну что, гуси перепончатые, допрыгались? – спросил командир после подъёма флага. Он заложил руки за спину и пошёл вдоль строя в конец – начал держать паузу.

Паузу можно держать по-разному – как женщину, курицу или рыбу. Можно слегка, двумя пальчиками на время одного вдоха, а можно взять её крепко за горло и тащить за собой, неспешно прогуливаясь по ракетной палубе. Командир наш был спецом в держании обоих типов и никогда не признавался, где он так отточил своё театральное мастерство.

Пока он шёл вдоль шеренги, каждый перепончатый гусь успел мысленно отмотать на неделю назад все свои проступки и прикинуть, а не на его ли счёт сейчас будет учинён разнос с пухом и перьями над заливом. Командир дошёл до конца строя и спросил у интенданта:

– Ну чего молчите-то?

Тут все остальные мысленно вздохнули, подумав, что накосячил опять Лёня.

– В строю разговаривать не положено, товарищ командир! – бодро доложил интендант.

– Это да, это-то да... – и командир, никуда не торопясь, пошёл обратно.

Ну это правильно, я считаю, – куда тут торопиться? Надо же понадавливать ногами на резину, пощуриться на солнышко и полюбоваться блеском покатых

волн. Подышать, опять же, полной грудью.

– Значит, так! – Надышавшись, командир встал посередине своего войска. – Сейчас мы будем учиться создавать крайне положительный образ российского моряка-подводника. Начнём вот прямо сейчас и достигнем пика через два дня, когда к нам приедет съёмочная группа центрального телеканала для фиксации этого образа и распространения его среди мирного населения путём транслирования во все города и веси.

– Положительный от слова «положить»? – решил уточнить механик.

– Ещё тупые шуточки будут у кого? – уточнил командир. – Нет? Неожиданно даже. Минёр, про повышение рождаемости в стране не будешь шутить? Нет? У связистов про трансляцию будет что-нибудь? Тоже нет? Тогда все молча стоим и тщательно впитываем. Я не радио – два раза повторять не стану!

Командир посмотрел на свои блестящие ботинки и пошевелил ногой, чтоб клёш на правой ноге ровнее лежал. Ждал, пока мы подсохнем, наверное, чтоб впитывающие качества повысились.

– С чего бы начать-то? – спросил командир у Вселенной и посмотрел в небо. Небо ожидаемо промолчало.

– В преддверии наступления великого праздника всех военно-морских чиновников – трёхсотлетия флота – кем-то принято решение до невозможности поднять любовь рабоче-крестьянского народа к флоту. Наверное, народ флот не любит. Хотя лично я считаю, что подводники для них – это мифические существа, и никто о них не вспоминает вообще, пока они не начинают погибать пачками. Казалось бы, для целей поднятия любви на флоте существует даже специальное подразделение – политотдел, но он привычным финтом переложил эту задачу на хрупкие плечи личного состава, ограничившись чрезвычайно ценным указанием создать «крайне положительный образ». Причём слово «крайне» в их указании подчёркнуто. Я долго думал, что такое «крайне положительный образ», и пришёл к выводу, что это уже за гранью безумия, поэтому будем создавать образ со всеми возможными предосторожностями! Нам же ещё надо боевые задачи выполнять, а не только быть любимцами у гражданского населения. На тренировки нам выделили два дня, а потом к нам приедет съёмочная группа из города Москва с целью восхититься нашей

положительностью, оптимизмом и готовностью выполнять задачи по, несмотря на. О, а чего это с ним?

Все дружно повернулись в сторону командирского взгляда. Да, действительно странная картина: по пирсу вприпрыжку шёл старпом, вертя на пальце свой портфель, фривольно сдвинув фуражку на затылок и даже напевая что-то себе под нос.

- Сей Саныч! – крикнул командир. – Что случилось-то? Тебе героя России дали?

- Лучше, тащ командир!

- Мне героя России дали?

- Ещё лучше!!!

- Разрешили женщин на флот набирать?

- Лучше, Сей Саныч! Намно-о-ого лучше!

- Да что может быть лучше-то?

Старпом уже доскакал до корабля и поднимался по трапу:

- Я узнал, кто у нас интервью будет брать!

- Да ладно? Любовь твоя приедет?

- Дыа! Она самая!!! – Старпом швырнул портфель интенданту и потёр руки. – Короче! Я всё придумал!

- Ну слава те хоспаде! Всем впитывать старпома!

Надо отметить, что была в то время на этом центральном телеканале одна популярная ведущая, в которую старпом был влюблён до дрожи в коленках. Платонической, конечно же, любовью, но прямо вот заморожен был ею – у нас

даже была идея записать её голос с каким-нибудь репортажем на диктофон и, когда старпом переходил на высокие обороты, включать эту запись и наблюдать, как он начинает блаженно улыбаться посреди очередного разноса. Не рискнули в итоге покуситься на святое, но идею эту долго мусолили.

– Мой план прост, как колесо, и так же гениален, как и все мои планы! Всем бриться два раза в день, сделать себе маникюры, педикюры, эпиляции и депиляции! Для образования нужных мимических морщин каждому непрерывно улыбаться все двое суток, я проверю! Что тебе, доктор?

– Я категорически против последнего пункта, Сей Саныч! Посмотрите на эти хмурые рожи, если они начнут улыбаться непривычно долго, то у них может случиться судорожный спазм лицевых мышц, а у меня таблеток на всех не хватит!

– Наденем водолазные подшлемники тому, на кого не хватит таблеток! Дальше. Всем ходить по кораблю в белых рубашках и галстуках! И когда я говорю «в белых», я имею в виду цвет первого выпавшего снега, а не «вчера была белая»! Интенданту выдать всем новое РБ[6 - РБ – радиационная безопасность.] одинакового цвета и держать мороженое «Эскимо» в провизионной камере, начхиму красиво, я подчёркиваю, кра-си-во промаркировать РБ! Каждому! Каждому в карманах иметь карамель марки «Дюшес» либо «Мятная» и угощать ими представителей телеканала в непрерывном режиме! Что тебе, Лёня?

– Я про эскимо хотел бы уточнить.

– Что тут уточнять? Очевидно же, что если моей любимой ведущей станет жарко и она скажет «жарковато у вас, вот бы эскимо сейчас», я отвечу «сильвупле» и выдам ей эскимо, став при этом центральным героем телепередачи и её персональным Дон-Кихотом! Хватит меня уже перебивать! Запоминайте свои вопросы и потом мне их озвучьте скопом, чтоб я сразу их все проигнорировал, а не поодиночке! Дальше. Вернее, выше. Пилотки свои наследственные от предков убрать с глаз долой! Не надо пытаться их стирать, чистить и придавать им эстетический вид – это всё равно не поможет! Нет новой пилотки – надеть белую фуражку. Нет, стоп дуть – всем надеть белые фуражки! Это будет красиво! Дальше. Вернее, ниже. Всем спрятать эти свои ошмётки былой военно-морской гордости под названием «тапочки подводника» и получить у Лёни новые и красивые! Я знаю, что они уёбищные с бумажной подошвой, шнурками и предназначены для покладки покойников в гроб, но зато они чёрные, блестящие

и хорошо выглядят сверху! Потерпите день, ничего с вами не станет! Кого увижу в старых тапочках – пеняйте на себя! Если у кого-то из вас станут брать интервью, в чём я сильно сомневаюсь, потому что эскимо будет только у меня, то помните: главное, что вы должны говорить, – это слова «да», «конечно», «всегда готовы»; если спрашивают про любовь к Родине, зарплату и воинский долг; делать круглые глаза и задышаться от восторга – если спрашивают про народ и президента, и производить широкие жесты руками с поклоном – если будут спрашивать про всё остальное! Если увижу, кто не будет улыбаться в камеру, – считай покойник! Ну как вам, тащ командир?

– Грандиозно. Не хватает чего-то... не знаю... для полной картины. Шары, может, воздушные надуем и транспарантов каких повесим в отсеках?

– А это у меня отдельное задание для замполита, тащ командир! Кто сказал «бэ»?

Ну, понятно, что это сказал зам, кто же ещё? Все, проникшись ответственностью по самые залысины от пилоток, засучили рукава и начали повышать видимую на глаз часть своего образа до крайней положительности. При этом часть проводимых мероприятий, возможно, покажется вам бесполезной, но прошу учесть: если делать бесполезные дела, то это ещё не значит, что это не принесёт никакой ощутимой пользы!

Мы вымыли крейсер с мылом, в том числе и снаружи, а также сполоснули пирс. Убрали краболовки с кормы и повесили белые концы с красно-белыми, абсолютно бесполезными, но красиво смотрящимися крысоотбойниками; на вдувную вентиляцию повесили освежители воздуха, чтоб в утробе вкусно пахло ёлками, ванилью и кофе. Отциклевали обшивку сауны и приклеили отвалившиеся плитки в бассейне, в зону отдыха привезли попугаев (взяли в долг у штурмана), рыбок (взяли в долг у старпома по БУ) и цветы (взяли в долг у всех, у кого были цветы). Получили на базе новую посуду с синими полосками и золотыми якорьками, старую спрятали в трюме, все трюмы закрыли лазами, на всякий случай. Два штатных экипажных парикмахера (матрос-трюмный и техник-связист) щёлкали ножницами два дня не переставая, при этом сука-трюмный отчекрыжил мне кусок правого уха со словами: «Ой, прости, Анатолич, рука дрогнула!» – а я залил кровью восьмой, шестой, четвёртый, второй, семнадцатый и первый отсеки, пока бежал к доктору накладывать гипс на раненую конечность. Строевых смотров в различных комбинациях формы одежды старпом провёл, может, десять или двенадцать, каждый раз

останавливаясь передо мной со словами:

- Ну, чисто Гришка Мелехов!

Это из-за моей фуражки, лихо заломленной на левое ухо. На предпоследнем смотре, когда старпом уже был почти удовлетворён внешним видом (не, ну составил список, кого нужно спрятать в выгородках и не показывать телевизионщикам), он неожиданно приказал всем снять тужурки.

- А это что такое?! - бегал старпом, задыхаясь и вращая глазами во все стороны. - А где погоны на рубашках, а? Где погоны, я вас спрашиваю?

- Какие погоны? - удивился механик.

- Какие?! Золотые, с чёрными полосками!!! Через час строимся в рубашках с погонами!!!

- Под РБ, что ли, рубашки с погонами надевать? - выпучил глаза механик.

- А попиздите у меня - так и на трусы наденете!!!

Наступил день «Ч». Подводники в отглаженном РБ, белых рубашках с погонами под ним, подпоясанные новыми ПДА, как на картинке, а не так, как удобно, в покойницких тапочках и фуражках сидели по боевым постам и страдали от неуютности своего внешнего вида. Вот как бы вам объяснить - возьмём рыцарей, например. До того момента, когда изобрели арбалет, рыцарь в доспехах чувствовал себя на коне, как бог на небе, - кого ему было бояться, если стрелы из лука его не брали, а двуручный меч у него был самый длинный в округе? А потом? Что за уют скакать на коне по лесу, когда каждый блохастый крестьянин мог его замочить, усевшись на сук да хоть вон того дуба? Вот и подводник так же. Он чувствует себя уютно, когда на нём мохнатые от возраста тапочки с дырочками, но на кожаной подошве, РБ с пузырями на коленях, надетое на маечку, пилотка с дырками от шрапнели Цусимского сражения и ПДА где-то под

жопой болтается. У него же, у подводника, даже походка специальная выработана, чтоб оно болталось между ног по специальной траектории, не мешая ходьбе! Причём что пилотка, что тапочки за годы ношения уже приобрели форму с точным повторением рельефа моряцкого тела и сидят на нём, как будто он в них прямо и родился! А тут что? А тут сиди и за каждым дубом следи, образно говоря! И запах ещё. Ну что это, блядь, за подводная лодка, на которой пахнет ёлкой, ванилью, а в некоторых местах даже, тьфу, противно говорить, – фиалками! Фиалками, вы меня понимаете?! А должна же пахнуть железом, техническими средами и электрическим током!

– А где старпом-то? – спросил командир, когда объявили, что съёмочная группа прибыла на пирс.

– А тут я! – объявил старпом, заходя в центральный.

– Вот теперь я понимаю смысл выражения «крайне положительный образ»! – захохотал командир, а остальные просто хихикали в душе – старпом был похож на лубочную картинку советской эпохи «Моряк на параде». Он был причёсан строгим пробором слева, вроде как на помажен; на новёхонькой чёрной форме блестели начищенные ордена и медали, а в ботинки можно было бриться – так они были надраены. – Серёга, ты весь одеколон на себя вылил, что ли?

– Никак нет, тащ командир! Моего не хватило, я ещё у вас одолжил!

– Ну всё, можно расслабиться! – вздохнул механик. – Звезда кордебалета очевидна, и конкурировать с ним не представляется никакой возможности!

– А можете завидовать сколько хотите, товарищ механик! Ко мне не липнет!

– Это понятно, а чего ты без цветов-то?

– В каюте лежат! Как-то в центральный не попёрся с букетом!

– Это правильно, я бы не вынес этой неземной красоты и выгнал бы тебя из центрального! – резюмировал командир. – О, топают по перископной! Дыши, Серёга, дыши!

В центральный спустились помятые операторы, хмурые режиссёры, выпившие осветители и наконец сама, так сказать, звезда. В телевизоре она, конечно, выглядела намного звездатее, чем в жизни. Сильно намного, если уж быть совсем точным.

- Чччто это, Сан Сеич? – шептал изумлённый старпом, пока телевизионщики топтались у штурманской рубки.

- Что. Любовь твоя.

- Сан Сеич... а чего она... мелкая такая... как гномик, и сутулая?

- Ну откуда я знаю? Болела в детстве, может.

- А голова? У неё же голова больше плеч, вы это видите?

- Я не слепой, я и в телевизоре это видел.

- А нос? Тащ командир, у неё же нос, как у меня восемь!

- Зато по ветру хорошо разворачиваться! А чего ты погрустнел-то так?

- Эх, товарищ командир, кто не любил – тот не поймёт! Тьфу!

- Как стучит разбитое сердце о палубу тяжёлого крейсера? А куда ты пошёл, Серёга?

- Да схожу переоденусь, что я, как петух на свадьбе, – самый красивый тут ходить буду?

Вернулся он минут через восемь в грустном лице, застиранном РБ, дырявых тапочках и пилотке – и опять всех обскакал, так как единственный выглядел настоящим подводником. Походили телевизионщики, поснимали крайне положительных образов да и уехали.

- Так я не понял, эскимо-то когда подавать? – пришёл в центральный интендант.

– Подавай немедленно! Я буду его прикладывать к ушибам на своей душе! – отмахнулся от него старпом и сидел в центральном грустный ещё долго.

Ну минуты три, может, или целых четыре, потому что флот-то действующий, боевая подготовка наступает на пятки невыполнимостью своих планов, и независимо от любви гражданского населения старпому грустить недосуг – всё же без него развалится, покроется плесенью и будет с удовольствием разлагаться, хамски попирая устав и суточные планы.

Сюжет на телевидении вышел так себе: серый, унылый, полный низко летающих чаек и какой-то безнадеги. А без надежды – что за жизнь... Хоть сразу ложись да помирай.

– Тьфу ты! – отреагировал на фильм старпом. – Зря старались только!

– Отчего же! – не согласился командир. – Любовь приходит и уходит, а посуда новая так на борту и осталась, например!

– И запах, – пробурчал механик, – я запах того одеколона до сих пор из центрального выветрить не могу! У меня даже банан от лиственницы им пропитан!

– А никто и не говорил, что будет легко!

– Но что так тяжело будет – тоже не предупреждали!

А образ крайне положительного моряка-подводника как-то не прижился у нас. Так мы и не поняли, полюбило нас мирное население или нет, а если бесполезные действия, которые вы производите определённое количество раз, всё-таки не приносят никакого результата, то стоит подумать и заменить их на другие. Мне так кажется.

...и бутылка рома!

– О! О! Смотрите!!! Вон же!! Рыбы! Рыбы плывут!!!

Старпом подскочил к подслеповатому монитору на пульте вахтенного инженера-механика и начал тыкать пальцем в бело-серое изображение.

- Не, ну вы хоть видите, ну? Ну что вы тут спите, а? Смотрите, красота-то какая!!! Антоныч, ну!

- Сей Саныч, я на вахте сейчас, слежу за своевременным осмотром отсеков и управляю оборотами турбин. Мне за флорой и фауной Ледовитого океана наблюдать не положено.

- Ой, ну какие вы скучные, ну бли-и-ин, а?

- А во-вторых, Сей Саныч, это - касатки, а значит, они не рыбы, а млекопитающие.

- За что мне всё это? За что, о боже мой?

- Эдуард, а ты чё старпому не подпеваешь сейчас полушёпотом: «За что, за что, о боже мой»?

- А я, Антоныч, на вахте же тоже стою - не положено отвлекаться мне.

- А ты не отвлекайся, а пой просто!

- Я так не умею. Я же только в душе пою и поэтому всегда, когда пою, закрываю глаза, отключаю мозг ну и глажу себя, соответственно, мыльными руками. Не, ну в принципе, можем попробовать.

- Штурман! Штурман! Иди сюда! - кричит старпом.

Из рубки высовывается по пояс штурманёнок Слава.

- Штурман, что там у нас с планом? Полигон когда занимать по строгому распоряжению?

- Да через неделю, так сейчас плаваем, как вольные стрелки!

– Отлично! – Старпом потирает руки, и у него загораются глаза.

Блин. Сейчас начнётся.

Говорил я вам или нет – не помню, но старпом наш был крайне азартен. Но не рабоче-крестьянским азартом к карточным играм или спорам, кто круче, нет – следующим его уровнем. Причём когда я говорю «рабочее-крестьянским», то я не вкладываю в это понятие абсолютно никакого негативного смысла по отношению к каким бы то ни было социальным группам населения: просто классификаций степени азарта, подходящих для описания, нет, и поэтому приходится придумывать самому. Азарт, по моим личным наблюдениям, существует два вида, и оба они действуют на организм одинаково с одной только разницей – организм с подготовленным мозгом направляет адреналиновые потоки в нужные части себя и превращает их в удачу, а с неподготовленным – расплёскивает по всей коре, отключая центры управления разумного отношения к окружающей действительности. И любому моряку присущ азарт, конечно, – вещь это заразительная, липучая и вызывает ломку, когда долго не было.

– Ты что, дрищ, на «слабо» меня сейчас берёшь? – удивлялся, бывало, старпом. – Да я на «слабо» не брался уже в то время, когда у тебя и утренних поллюций ещё не было!

Старпома нужно было только завести (пол-оборота) на необходимое дело, и всё – быть не сделанным у дела не оставалось никаких шансов. Нет, старпом знал, конечно, про то, что в мире существуют законы логики, физики и здравого смысла, но тайфун его удали сметал их, как щепки, и оставлял валяться на периферии границ разумного.

– Записать в вахтенный журнал! Начали отработку противолодочных манёвров! Хода и курсы переменные! Та-а-ак. Штурман! Что ты на меня смотришь так грустно, как будто я твоя первая любовь? Следи там, чтоб в банку какую не впилились, счас крутиться будем, за касатками следить! Не надо глазами из глазниц доставать, не надо – ты же профессионал? Ну вот и профессиональ!

Антоныч обречённо вздохнул и достал пилочку для ногтей – спокойная вахта явно закончилась. Нет, ну понятно, что после двух месяцев подо льдом в общем-то уже становится скучно и хочется разнообразия, но обычно под словом

«разнообразии» следует понимать вещи в некотором роде отличные от слежения за китами в подводном положении.

- О, так их же акустики слышат сейчас!

- Сергей Александрович, ну пожалуйста, ну их акустики уже три дня слышат. Весь экипаж уже в акустической рубке их послушал, вы как будто в увольнительной были, такое ощущение. - Антоныч усердно полировал ногти.

- Да? Придётся наказать ведь вислоухих! Не доложили родному старпому, ну ты подумай, а! - Старпом убегает к акустикам, и мы жмуримся, чтоб брызги крови в глаза не попали.

- Самец и самка! - радостно докладывает старпом, выбегая из рубки минут через десять.

- Эдуард, скажи ему уже.

- Сей Саныч, прошу разрешения доложить! Согласно записям в трюмном журнале учёта воды и гидравлики, пара китов-касаток была обнаружена акустиками три дня назад, вот, видите запись в журнале? Далее в результате следственных экспериментов было установлено, что это самец и самка, для последующей их идентификации без унижения личного достоинства им были присвоены имена Фаддей Фаддеевич, в честь исследователя Арктики Белинсгаузена, и Нина Петровна потому, что других женщин - исследователей Арктики, кроме Демме, никто не вспомнил. Согласно дальнейшему акустическому портрету пары у акустиков и распечатка имеется, были сделаны выводы о том, что Фаддей Фаддеевич активно ухаживал за Ниной Петровной, пел ей песни и возможно даже декламировал Пастернака, что в итоге ожидаемо привело к капитуляции Нины Петровны и их спариванию. Вот, будьте добры - запись в журнале об этом факте. Далее Фаддей Фаддеич поёт уже не так активно, сейчас, скорее, они просто изредка переговариваются. В общем, всё стандартно, как у млекопитающих.

- Бля, Антоныч. Вот это у вас на широкую ногу тут поставлена научная деятельность!

– Ну. А вы как думали? Просто нет сил уже смотреть на эти унижения: «ой, смотрите, рыбки!», «ой, надо же, это самец и самка!» – и слюни по всему главному командному пункту.

– Боцман! Право руля! Антоныч, подверни турбинками – видишь же, на правый борт уходят!

– Эдуард, – Антоныч не шевелился, – ты же записываешь за мной афоризмы и гениальные изречения? Запомни, когда станешь взрослым и будешь нести вахту инженер-механика, никогда – это слово разбей на слоги и подчеркни, – ни-ког-да не выполняй метафорических приказаний «подверни турбинками», «реверс», «назад, назад, блядь!!!» и прочей гусарщины. Делать надо вот так...

Старпом всё это время грустно смотрит на Антоныча.

Антоныч делает суровое лицо:

– Товарищ старший помощник! Прошу уточнить направление вращения и обороты турбинам!

– Ох, бля, какие же вы скушные! Боцман! Руль прямо!

– Зато безаварийные, – бурчит Антоныч.

А вы когда-нибудь завидовали китам в море или дельфинам? Ну вот тому, как они идеальны – даже птицы, я думаю, им завидуют: они естественны в своей среде обитания, свободны, и вода всё время струится по их телам, и можно вверх, можно вниз, можно вот так вот покувыркаться и сделать «пффф» водой – ну согласитесь, это же завораживающе прекрасно!

Фаддей Фаддеевич и Нина Петровна, за что им отдельное спасибо, никуда не торопились, плыли довольно ровно и спокойно: посвистывали, тёрлись друг о дружку и всячески наслаждались той ступенью, на которую их поставила эволюция. Да и куда им торопиться-то, если подумать? На премьеру очередных «Мстителей»? Ипотеку оформлять? К старту продаж нового телефона? Голосовать на выборы? Домой, пока пробки не начались?

Вот где-то нас наёбывают, товарищи, вам не кажется? С одной стороны, эволюция постаралась, конечно, но вот как так могло получиться, что киты могут наслаждаться своей жизнью, плавая от её начала и до конца, с перерывами только на спаривание, еду и потереться друг о дружку (то есть вообще без перерывов), а люди – нет? Люди ноют всю жизнь, что им трудно учиться, тяжело работать, начальник у них долбоёб, сосед алкашина конченный, машина всё время ломается, бензин дорожает, а в метро давки, проценты по кредиту слишком высоки, а зарплата слишком маленькая, и как вообще найти себе пару, если вокруг одни нищоброды или корыстные проститутки, дети не слушаются и дерзят, а в магазине всё время пытаются подsunуть просроченную колбасу или недовесить сахара, по телевизору смотреть нечего, фильмы в прокатах не те, что были раньше, и вообще – вот раньше-то было заебись, не то что сейчас! Или: там-то вот заебись тоже, хоть и сейчас, а не раньше, не то, что здесь, – здесь и раньше-то было не особо, что уж про сейчас говорить! Если провести параллель с китами – то когда люди вообще плавают-то? И кто тогда из них более разумен? Вам же тоже кажется, что киты?

Маневрировали мы не очень долго – в центральный пришёл командир:

– Что-то мне спится тревожно! Приснилось, что мы усиленно куда-то маневрируем!

– Так точно, Сан Сеич, – да! В смысле нет! В том смысле, что да, мы маневрируем, и нет, не приснилось! – доложил старпом, торжественный, как струна «ми» (которая шестая, а не первая) на гитаре. – Производим слежение за парой китов-касаток!

– С целью, позвольте поинтересоваться?

– С целью отработки слаженности действий третьей боевой смены в подводном положении! Ну и так... интересно же!

– Что за киты? Фаддей Фаддеич с Ниной Петровной?

– Как? – Старпом сбился на «соль». – Вы тоже в курсе?

– Странный ты, Серёга, честное слово! Вот же роспись моя в трюмном журнале – я имена их утверждал!

– А он в увольнительной был трое суток, тащ командир! – вставил свои три копейки Антоныч. – На побывку ездил молодой моряк!

– Пиздец! – и старпом взялся за голову, глубоко погрузив пальцы в шевелюру. – Дожил на старости лет! В родном экипаже! Товарищ командир, прошу вас выдать мне пистолет с одним патроном, похлопать меня по плечу и сказать строгим голосом: «Вы знаете, что нужно делать, офицер!»

– Ага, и месяц в две смены вахту нести с бэушным старпомом? Вот уж дудки вам, товарищ офицер, а не пистолет! Будьте добры нести свой позор, как подобает российскому офицеру! С видом, как будто ничего и не случилось! Александр, – это уже секретчику на вахтенном журнале, – пожалуйста, будь добр, скажи мне, что ты не писал в вахтенный журнал, что мы следим за китами!

– Никак нет, товарищ командир! «Начали отработку противолодочного манёвра. Хода и курсы переменные»!

– Фух, отлегло.

– Это я! Это я, тащ командир, приказал так записать! – востропел старпом. – Да? Ну ладно, подумаю тогда про пистолет с патроном, раз ты!

– Спасибо, тащ командир! Вы прямо как отец родной! Ну такой чуткий, такой чуткий!

– Ну дык! Иди спать, раз всё равно меня разбудил, я тут поброжу уже.

– Не, я тогда ЖБП лучше напишу!

– Серёга, я сказал спать – значит спать!

– Тащ командир, ну киты же, ну это... зря я вас отцом называл, что ли?

Командир вздохнул и ушёл в штурманскую рубку. Ну мы там дальше противолодочные манёвры повыполняли и, когда киты долго лежали на одном курсе, начали уже вверх-вниз маневрировать, потому что старпому же скучно стало просто так в телевизор смотреть за вяло развивающимся сюжетом.

– Рекомендую курс восемьдесят! – прокаркал штурман. – По текущему курсу банка Лазарева, расстояние десять кабельтовых!

– Боцман! Лево руля на курс восемьдесят! Правая турбина вперёд шестьдесят, левая вперёд сорок! Бли-и-ин, ну бли-и-ин, ну жалко-то как, да, Антоныч? Китов же потеряем!

– Да, Сей Саныч, ничего жальче в жизни не испытывал! Работает правая вперёд шестьдесят, левая вперёд сорок! Может, им из ДУКа тефтелек жажнем без мешков, так сказать, в презент, а то с ужина их два лагуна осталось!

– Дурак ты, что ли, Антоныч? Потравим же нафиг всю флору тут и фауну! Ладно, я спать тогда, раз такое огорчение с китами!

– На румбе восемьдесят!

– Обе турбины вперёд сорок! Держать восемьдесят! Тащ командир, так я пошёл спать-то тогда!

– Давай-давай!

Когда старпом ускакал, а командир задремал в своём кресле, Антоныч послал меня к штурману узнать, что там за банка такая по курсу была. Ну для общего развития, мало ли придётся штурманить в этих водах.

– Ага, – сказал Слава, – была какая-то.

– Что, прямо банка?

– Ну типа того.

– Прямо десять кабельтовых?

- Ну.

- Прямо по курсу?

- Не то что прямо, скорее, если вниз грести, а не вперёд. Впереди-то от трёх до пяти километров, хоть заныряйся!

- Прямо Лазарева?

- Да нет, конечно, командир сказал пиздануть что-нибудь, чтоб от китов уйти и старпома спать отправить!

- Мудро!

- А то! Мы, штурмана, такие!

- Какие такие? Я про командира сейчас. Такие они. Такое не бывает!

- Так. Немедленно покинуть секретную рубку! Ходят тут всякие! Палубу потом за ними не отмоешь!

- Не очень-то и хотелось!

- Ну и всё!

- Ну и всё!

- Старпома развели, - докладываю Антонычу шёпотом, - нет там никакой банки!

- Опять обманули?! - радуется Антоныч.

- Старпому - ни слова! - бубнит командир. (Как он всё слышит-то?)

- Чай, не ботфортом консоме хлебаем, тащ командир! - обижается Антоныч.

– Да? Ну вы-то понятно, трюмные – белая кость. А я вот всё время ботфортом норовлю!

– Это тёмное ракетное прошлое даёт о себе знать, не иначе!

– Не иначе, да. Хорошо, не штурманское хоть.

– Это да. Штурманское-то неизлечимо!

– Я всё слышу! – кричит Слава из рубки, ему там скучно, и дверь он держит открытой.

– Как будто это кому-то интересно – слышишь ты или нет!

Я же, как нормальный мальчик, всю жизнь мечтаю быть пиратом, хрен с ним, хотя бы космическим, раз уж двадцать первый век, а машину времени всё никак не изобретут! Пират же – романтика в самой высшей степени её проявления из всех доступных человечеству плюс возможность не ходить на работу к восьми или вообще являться на работу, напившись рома и орать там дурным голосом «Йо-хо-хо!!!». И это не считая мелких бонусов в виде эфеса от сабли вместо ежемесячных ухаживаний и предварительных ласк, а также возможности умереть молодым, не страдая от старости и не мучая окружающих. И нет, я ещё не заблудился в своём повествовании, я вот к чему веду: с середины девяностых годов, мечтая о славной пиратской судьбе или просто читая книжки про пиратов, я всегда представляю себе образ пирата в виде советского военно-морского офицера Сергея Александровича – маленького, сухонького, но неутомимого, как трактор, и с чертовскими искрами в глазах. Вот уж где был бы Чёрная Борода (только без бороды) – матёрые испанские галеонщики писались бы в брюки, едва завидев на горизонте его флаг с начертанным на нём девизом: «Где ваш суточный план, блядь?! Не надо хлопать на меня глазами – у меня пилотку сдувает! Нет плана – считай, продал Родину, сука!»

Помню, первый раз гало в море увидел – самой луны видно не было из-за горизонта, а только дуга, абсолютно ровная и ярко-белая. И мы гребём прямо в неё. А в форточку на мостике не особо видать – нет широкого угла обзора, головой не покрутить в разные стороны и отсюда восторгов меньше.

– Сей Саныч, прошу разрешения подняться на мостик!

- Давай! Только не кури тут! Так стой!

- Офигеть, да! - и тычу пальцем в гало. - Красота, да, Сей Саныч!

- Ну.

- А что это?

- Ты дурак? В школе не учился? Ясно же что - Летучий Голландец, мать его!

- Да ладно. Тот самый?

- Как можно применить вопрос «тот самый» к предмету, который существует в единичном экземпляре?

- И что, нам теперь пиздец?

- Точно дурак! Вишь, цвет белый, значит, кормовой огонь горит, то есть он от нас съёбывает на всех парусах! Ссыт, сука!

- Врёте же?

- Кто врёт? Я вру?

- Не, ну не я же - я только вопросы задаю.

- Запомни - я никогда не вру! Ни-ког-да!!!

Сей Саныч погрозил кулаком в море и проорал в сторону горизонта:

- Врёшь, сука! Не уйдёшь!!! Иди сюда! Сражайся, как мужчина!

- Тише, - говорю, - Сей Саныч, боцмана же на руле разбудите!

- Йо-хо-хо! - крикнул старпом вниз рулевому.

- И бутылка рома! – радостно запел боцман.

- Никакого рома! Мы тебе не вшивые корсары! Трезвость, красота и слаженные действия! Вот наш девиз!

- А суточный план? – решил уточнить я.

- Не обсуждается даже!

И при всей своей удали, грамотности и ответственности подкупала в нём эта юношеская, ничем не замутнённая непосредственность в тяге к приключениям. Не, ну кто ещё мог додуматься следить за китами из подводного положения на тяжёлом атомном подводном крейсере стратегического назначения?

А если вам случится бывать где-нибудь у южных кромок северных льдов по воле случая или по служебной необходимости и встретятся вам киты, которые станут откликаться на имена Фаддей Фаддеич и Нина Петровна, то непременно кланяйтесь им от меня и узнайте, как там их детишки: здоровы ли, слушаются ли родителей и не дерзят ли старшим, переживая свой пубертатный период. Ещё передайте, что навестить их пока не смогу никак – я же не кит, мне на работу к восьми и так далее, а мечта моя пиратская с каждым годом тускнеет и шансов всё меньше остаётся, так что тоже не вариант, а так бы я обязательно. Да.

Красная пуля

Однажды наш помощник купил себе машину. Ай, ну как купил – просто не вовремя попался командиру под руку.

- Слушай, Серёга, надо бы мне ласточку свою продать, – говорил Сан Сеич после утреннего построения старпому. – Стоит она у меня, жалко же, а ездить мне всё равно, как оказалось, и некуда.

- Так а в чём проблемы-то? Сейчас и продадим! Вадос, поди-ка сюда!

А Вадоса вчера буквально помощником назначили, он и усов себе отрастить ещё не успел, настолько был зелен. Как помощник, естественно.

- Вадос. Как дела у тебя? Как новая должность? Не давит ли в плечах?

Вадос с удивлением, но некоторым предвкушением (потому что чудеса же случаются) посмотрел на свои мятые гравитацией, временем и подушками капитанские погоны:

- Нет, не давит пока! К сожалению.

И вздохнул, на всякий случай. Случаи же всякие бывают, ну вы меня понимаете.

- Это хорошо, что не давит! Это просто замечательно! Великолепно, я бы даже сказал! Вот знаешь о чём мы сейчас с командиром подумали?

- Нет.

- О тебе! Вот прямо стояли тут ногами и про тебя разговаривали! Приятно?

- Ну-у-у... смотря что говорили!

- Что говорили. Заботились о тебе, понимаешь, самым натуральным образом!

Так как Вадос дураком не был, а иначе кто бы его назначил помощником, то в этом самом месте он уже начал беспокоиться. Самое комфортное состояние души офицера на флоте – это когда начальство о тебе вообще не знает или вспоминает, но редко. А когда оно обращает к тебе свой пылающий взор, пусть даже и с целью о тебе позаботиться, то самым правильным будет немедленно сломать себе что-нибудь и спрятаться в госпитале для сбережения душевного равновесия.

Включив своё обаяние на максимум, Вадос добавил в голос лести, припорошил его благодарностью и посолил уважением:

- А можно я уже пойду тогда суточный план на завтра составлять?

– Да погоди ты! Двадцать два часа у тебя ещё на составление плана! Тут глобальные вопросы ребром стоят, понимаешь. Стратегические, можно сказать! Ты же иногда домой захочешь съездить, несмотря на то, что помощник? Ну там котлет домашних поест, жену потрогать, дитёнку сказки почитать, логично?

– Вполне.

– Так вот, чтоб обеспечить тебе это с максимальным комфортом, решили мы с командиром, чтоб ты машину себе купил! Ну сам подумай, что за помощник без машины? Кто нас с командиром в штаб возить будет? А? Я тебя спрашиваю!

– Ну а кто вас сейчас возит?

– Да хуй пойми кто вообще! Имея живого помощника, вскормленного вот с этих вот ладоней – товарищ командир, покажите ладони – ездим чёрт знает на чём! На перекладных, на скотовозах, на «уазике» этом дивизийном – стыд форменный! Стыдно тебе?

– Э... да!

– Ну вот. Товарищ командир, ваш выход!

– Вадос. У меня один знакомый «девятку» красную продавать решил. Пуля вообще, а не машина, мало того что красная!

– Сан Сеич, так у вас же красная «девятка».

– Ну. И продавец авторитетный получается, значит. Правильно?

– А за сколько хоть продаёте-то?

– Ой, да какая тебе разница! У тебя же всё равно денег нет – отдавать частями будешь, ну полгода там или год. Опять же плюс для тебя: пока деньги не отдашь, тебя старпом наказывать потерпит, просто бить будет, но с максимальным окладом ходить станешь, как парень вообще! Правильно я говорю, Сей Саныч?

– Потерплю, как пить дать потерплю! Всё ради тебя, Вадос! Лишь бы тебе служба в радость была! Скажи ещё, что не очарован до сих пор нашей заботой о тебе?

– Очарован.

– Берёшь пулю-то?

– Беру.

– Ну, по рукам!

В принципе, на этом все формальности по переоформлению автомобиля и были закончены, и единственное, что может показаться странным, это то, что никто, включая самого Вадоса, не вспомнил, что у него и прав-то нет и отродясь не было. Может, но не покажется, если знать Вадоса в частности или человека – помощника командира на флоте вообще.

Помощник командира, да простят мне столь вольное сравнение эти суровые дядьки, как Трезор на хозяйском дворе: вроде и не главный, но лает на всех, пасёт стадо, хватает за пятки чужаков, периодически воет на луну и таскает кур из соседского двора. Боятся его только матросы и мичмана первых пару лет службы, остальные просто делают вид, что слушаются и не посылают в жопу только из-за уважения к совместному ратному труду. На корабле он отвечает за всё. Вообще за всё: за технику безопасности, порядок как внутри, так и снаружи, выполнение суточного плана, подготовку наряда, своевременную кормёжку, помывку, воспитание (да-да, ни разу не замполит!), обеспечение имуществом и спасательными средствами, а ещё, как будто и этого мало, – за правовую работу на корабле. О как. И помощник командира – это как раз тот случай, когда при сравнении прямой и короткой дороги в командиры с окольной и извилистой сразу же вспоминается песенка «Нормальные герои всегда идут в обход!» в исполнении Бармалея и подручных.

Вадос долго не парился по поводу отсутствия у него прав, а вернее сказать, так и вообще не парился – красная пуля призывно сверкала покатыми боками, и мощный мотор неудержимо звал оседлать себя, а Вадос был обучен принимать любые решения, включая нестандартные, мгновенно. И поэтому он придумал насколько гениальный в своей простоте, настолько и ошибочный с точки зрения

гражданского законодательства (кому оно вообще интересно на флоте?) выход: решил рядом с собой садить человека с правами и прикрываться его телом, если гаишники станут задавать глупые вопросы.

Частицей имени товарища Броуна он метался среди стайки подводников, идущих домой:

- У тебя права есть?

- Нет.

- Пшол вон! А у тебя права есть?

- Нет.

- Не путайся под ногами, лошара!

- У вас права есть? – спросил он, подскочив к нам с Игорем.

- Нет, – ответил Игорь.

- Да, – ответил я.

- Тогда ты рядом со мной вперёд садишься, а ты – назад. Домой поедем.

- Вот это друг, вот это я понимаю! – радовался Игорь, втискиваясь на сиденье красивой от красного цвета, но не предназначенной для Игорей на заднем сиденье «девятки».

- А тут так надо поворачивать? А тут кто кому уступает? А тут обгонять можно? – всю дорогу спрашивал у меня Вадос.

- Чего ты у меня спрашиваешь-то? – не выдержал наконец я, когда обрёл дар речи от резвых поворотов и перегазовок с заносами.

- Ну у тебя же права есть!

- А, так ты про эти права спрашивал?

- А ты про какие отвечал?

- Ну как про какие? Право на труд, право на отдых, право на свободу вероисповедания... - начал я загибать пальцы.

- Вот сукагад!

Отчего он тогда обозвал меня таким плохим словом, я не совсем понял, но вперёд он меня больше не пускал - приходилось тесниться с Игорем на заднем диване: хорошо, что редко - мы же в отличие от помощника дома бывали сравнительно часто и раньше восьми вечера туда отправлялись.

Так называемые «инструкторы» быстро закончились: оказалось, что за езду с ним на переднем сиденье Вадос скидок не делает и всё равно ебёт с обычной своей ненавистью к пролетарскому происхождению низших сословий. А на другой чаше весов, я извиняюсь, сидеть на пароходе и ждать его до упора, пока он все свои помощничьи дела завершит (следует читать «соизволит поставить на паузу», потому как дела у помощника, как Вселенная - никогда не заканчиваются), а потом ещё рисковать своей жизнью в течение двадцати километров. Конечно, отчаянность в крови у подводников, но не до такой же, я снова извиняюсь, степени! Даже Сан Сеич, на что уж отважный был человек, съездив один раз до штаба флотилии и обратно, сказал:

- Нет уж, на хуй! Я лучше на лыжах! Доктор, срочно выдай мне седативного препарата, пока я его не убил!

- Валокординчика, тащ командир, капель двадцать?

- Его, да. И коньяку добавь стакан к двадцати каплям.

- Лимончику? - услужливо предложил интендант.

- К коньяку - лимончик? Да в своём ли ты уме, Леонид, мне, без пяти минут аристократу и интеллигенту в первом поколении, предлагать этот колхозный и сугубо отвратительный метод порчи благородного напитка?

Даже жена с ним не особо-то и ездила в первое время.

– Вадим! – решительно говорила она. – Я поеду на автобусе! У меня же дети!

– А у меня кто? Котята? Садись, те говорю!

Умел с женщинами обращаться, да. Пока усы себе не отрастил.

К тому времени, когда передние попутчики кончились, Вадос уже научился вполне успешно втыкать первые три передачи и почти не глохнуть, а также орать в форточку оскорбительные ругательства этим баранам на дороге и приучил малочисленных гаишников не спрашивать у него прав. Гаишники приучились охотно, и если бы вы знали Вадоса, то вы поняли бы, почему проще с ним согласиться, чем каждый раз выслушивать гневные отповеди в свой адрес, которые начинались с упоминания Куликовской битвы и заканчивались обещаниями всяческих видов мести и жалобами на низкий оклад денежного содержания, несмотря на высокую ответственность этого, по его словам, главного человека на корабле стратегического назначения. Приучились, но не сдались, а полюбили его своей горячей гаишной любовью. Каждый гаишник в посёлке полагал своим долгом остановить красную «девятку» и спросить за огнетушитель, аптечку, непристёгнутый ремень, лысую резину, разбитую фару, неправильные перестроения и превышение скорости. И за что-то там ещё, не помню.

Милиционеры старательно фиксировали нарушение, записывали Вадосовские показания, исключая из них слишком цветастые отсылки и слишком речистые обороты, и спрашивали, куда направить протокол: в часть или сразу на флотилию? В Генштаб СА и ВМФ, ёпта, советовал им Вадос и обещал, что до вечера привезёт выписку о своём наказании из части, чтоб их сильно не перетруждать, а то вон, бедные, и так бледненькие какие.

Ну раз отвёз, ну два, ну восемь, а потом подумал, нет, ну какого хуя, а? Напечатал стопку приказов о своём наказании, сложил их аккуратненькой горочкой под стеклом, и дело пошло быстрее.

– Какое сегодня число? – уточнял он у гаишников.

Обычный (в смысле среднестатистический, а не обыденный) помощник помнит наизусть минимум: МППСС[7 - МППСС – Международные правила предупреждений столкновений судов в море.]; суточный план БП[8 - БП – боевая подготовка.] на неделю; задачи обучения текущего учебного периода; особенности характеров всего личного состава части и их совместимость в плане несения суточного наряда; дни рождения старших начальников; проступки подчинённых бойцов (где, когда и в каком составе совершены); количество провизии, шанцевого инструмента, флагов и спасательных жилетов на борту, но ни за какие коврижки не вспомнит, какое сегодня число, день недели и что подавали вчера на обед.

- Двенадцатое.

- Хорошо, что двенадцатое, – и Вадос брал верхнюю выписку с объявлением себе выговора из стопочки, проставлял в ней число, ставил штамп «Копия (выписка) верна. Помощник командира в/ч 45741____», расписывался и вручал изумлённым гаишникам:

- Вуаля! Я наказан по всей, так сказать, строгости! По самое, можно сказать, не могу, вдут, к вашему удовольствию! Как сейчас до части доеду – и не представляю – горячие слёзы застыт мне очи! Видите? Видите?

И тыкал себе в глаза, хотя чего там было видеть, кроме наглости и бесстыжего похуизма, было решительно непонятно. Ну уж точно не слёзы.

- А это вообще законно? – неуверенно интересовались гаишники.

- Законно-законно! Уж не извольте сомневаться: я и есть закон в нашей части! Хотите, я вам на неделю вперёд выписок дам, и вы меня трогать не будете?

- Ну-у-у уж нет.

- Ну тогда адьос, амигос! До завтра!

- Ремень!!! – орали гаишники вслед. – Ремень пристегните!!!

Но так как пуля два раза в одну воронку не бьёт, по словам самого Вадоса, то чего их было слушаться, правильно?

Вот жаль, что никто не вёл подсчёт тому, сколько он сам себе выговоров объявил за нарушение ПДД – наверняка в Книге рекордов Гиннеса уже жил бы и с гордостью показывал потомкам, каков он дерзкий жиган.

Ох и гонял он на той красной «девятке», хочу сказать вам в качестве обобщения и чтоб выразить общее чувство восхищения его лихостью и притуплёнными инстинктами самосохранения! Продал потом её, редиска, сейчас на какой-то безликой синенькой японской херне по Питеру шоркается, даже и не знаю, с правами ли или без. Но если он вам повстречается и начнёт говорить, что я всё вру и не так дело было, вы ему не верьте, это он от скромности, а мне верьте, да – я же всегда за правду, когда не выдумываю.

Поэтому напишу в надежде на то, что вот сейчас-то и не повстречается: Вадим был моим любимым помощником из всех, с которыми я служил. Были всякие: и похуистичные, которые исполняли свои обязанности так, что их и не видно было, были и ушибленные на всю голову, которые могли себе позволить повысить голос на старшего по возрасту офицера, за что получали оплеухи и посылки «на хуй». Но всё это всегда нервы и некоторые неудобства в стройной и гармоничной общей картине мира. А вот Вадим – да. Вадим был вообще мужчина – как он умудрялся лавировать между хорошими отношениями и выполнением своих служебных обязанностей, для меня в некотором смысле до сих пор загадка. Ну в том смысле, что мне по фиг с одной стороны, но интересно с другой, а с третьей вообще не понятно, что за люди такие, которые идут в помощники командира на боевом военном корабле? Титаны нервно курят в сторонке, скажу я вам. Да.

Мелодии бленкеров и крейцкопфов

– Витя, а где ключ?

– Ключ? Какой ключ?

– Мой ключ.

– Твой? У меня нет твоего, у меня только мои!

– Витя, я не про эти ключи! Где мой ключ на четырнадцать?

– Твой ключ на четырнадцать?

– Да, Витя, ты брал у меня рожковый ключ на четырнадцать, на прошлой неделе, на полчаса. Где он?

– Рожковый? Да у меня торцевые только ключи и на двенадцать. Я же киповец: зачем мне ключ на четырнадцать, да ещё рожковый?

– Витя, да откуда я знаю, зачем? Может, ты подрошить им себе хотел. Хватит уже придуриваться, так и скажи: «Не знаю, товарищ мичман, видимо, опять проебал!»

– Подрошить? Фу на вас, товарищ мичман! Для этого я ключ на семьдесят два просил бы!

– Ой, да там только разговоров на семьдесят два, рассказывай, ну.

– Ну не на четырнадцать же, согласишься!

– Согласен, но хватит уводить меня в сторону! Может, в носу поковыряться... Я не знаю, зачем ты его брал, ты мне не докладывал!

– В носу-то отвёрткой удобнее, ты чё. А... погоди-ка, Игорь, а где моя отвёртка?

– Отвёртка?

– Да-да, отвёртка! Моя отвёртка с длинным жалом и красной ручечкой! Где она?

- Витя. Ну я же компрессорщик, зачем мне отвёртка с тонким жалом?

- Игорь, а я не знаю. Я как другу тебе дал, не спрашивая! Недели две уж тому, не меньше!

- Да?

- Караганда!

Это не весь диалог, а только малая его часть. К этому моменту вы уже должны понимать, что смотреть вечно можно не только на текущую воду, горящий огонь и чужую работу, но и на спор двух технарей. А мичман на корабле это не кто иной, как технарь, с поправкой на словосочетание «военно-морской». Конечно, есть ещё и мичмана-минёры, мичмана-акустики и мичмана-коки, но тупиковые ветви развития шальной эволюции мы рассматривать не станем в целях экономии времени и уменьшения градуса обценной лексики в данном произведении, а вот на мичманов-механиков давайте посмотрим поближе.

Если вы представляете технарей в виде хмурых мужчин с кустистыми бровями, заплатками на коленях, вечно измазанными руками и перебинтованными пальцами, то вы конечно же глубоко ошибаетесь, и сейчас я вам расскажу, кто такие настоящие технари. Настоящий технарь – это поэт, который не умеет подбирать рифмы, или музыкант, который не знает нот: то есть в душе он крайне творческая личность, но снаружи хмурый мужчина с кустистыми бровями.

Кроме того, военно-морской технарь, мичман, свято чтит завет Степана Осиповича Макарова и помнит о войне, полагая главной своей задачей при подготовке к ней экстремально возможную степень экономии собственных сил. Ну как ему ещё к войне-то готовиться? А готовиться надо – Степан Осипович просто так слов на ветер бросать не стал бы.

Мичман, выполняя свои обязанности техника, может и не знать, чем диод отличается от тиристора, и удивлённо тыкать пальцем в схему, говоря: «О, глянь-ка, кто-то диоду хвостик пририсовал!» Но при этом на слух, запах, нюх и чёрт-те знает что ещё может определить, что не так в механизме и как это исправить, пока не началось.

– Я тебе говорю, Анатолич, она не так жужжит!

– Витя, ну что «не так жужжит»! Она нормально работает: параметры в норме, лампочки вон все горят, смотри, клапана управляются, фреон течёт. Что тут не так?

– Я те говорю: не так она жужжит. Вот-вот сломается: пиздец будет мясу в морозилке и нам с тобой. Особенно тебе.

– Ладно, сейчас схожу за схемами, давай прозвоним, паникёр.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

КИП – контрольно-измерительные приборы; ГЭУ – главная энергетическая установка.

2

ДУК – дистанционное удаление контейнеров.

3

САУ – система активного управления.

4

ПЗРК – переносной зенитный ракетный комплекс.

5

ПДСС – подводные диверсионные силы и средства.

6

РБ – радиационная безопасность.

7

МППСС – Международные правила предупреждений столкновений судов в море.

8

БП – боевая подготовка.

Купить: https://telnovel.me/ru/ovechkin_eduard/akuly-iz-stali-posledniy-pohod-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)